

33и
к64

РАІ 487416

КОНСТ. КОНИЧЕВ

**ТАМ, ГДЕ
РВУТ
ОКОВЫ
РАБСТВА**

Александрю Александровичу

Сю. Величьеву Зодову и его прекрасной
Сюзане от меня и Императора
Великого Константина Николаевича
Поздравляю с наступающим Новым
и с Новым Годом!

На Лондонском гробу "вышла в 47 году
" от Каземми до Кореи" — в 48 году.
а после того еще шло 10-15 км
высоты. Идем кавказу в В/публичной
б-ке. Ахоев?

Ваше добро вам и Успеха!

Р. Крайнев

25/12/62

Ленинград

Кто, где Наход из 26.00

КОНСТАНТИН
КОНИЧЕВ

**ТАМ, ГДЕ
РВУТ
ОКОВЫ
РАБСТВА**

ЛЕНИЗДАТ 1962

Д 487416

ВОЛОГОДСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

33и

33и очерки + 09/6

K64

В конце 1961 года ленинградский писатель Константин Кони́чев в составе небольшой туристской группы совершил путешествие в молодые государства экваториальной Африки — Нигер, Того, Верхнюю Вольту, Дагомею и Габон, еще недавно бывшие французскими колониями.

О своих впечатлениях, накопленных во время этой поездки, писатель живо и интересно рассказывает в брошюре. Яркие картины тропической природы, характерные и своеобразные обычаи различных племен и народностей, встречи с политическими деятелями и представителями трудового народа — таково содержание путевых заметок писателя.

Многочисленные фотографии и рисунки, приведенные в брошюре, дополняют рассказ автора.

Брошюра рассчитана на массового читателя.

ЧЕРЕЗ ПАРИЖ В АФРИКУ.

На пути в Западную Экваториальную Африку мы задержались на несколько дней в Париже — необходимо было завизировать наши паспорта в посольствах Нигера, Верхней Вольты, Дагомеи, Габона и Берега Слоновой Кости. Виза в республику Того была получена в тоголезском посольстве в Москве...

Всесторонне удобен в наше время воздушный транспорт. Полвека назад потребовались бы годы на путешествие в такие далекие страны, а в некоторые места пустыни Сахары и непроходимые джунгли вообще тогда пробраться было невозможно. Мы же объездили страны Экваториальной Африки в течение трех недель.

В путеводителе — расписание скоростей самолетов разных марок: ТУ-104 — крейсерская скорость до 1000 километров в час, дальность полета — 3000 километров. ТУ-114 посильней — дальность полета 10 000 километров. «Боинг-107» межконтинентальный — 950 километров в час, дальность полета — 7400 километров и т. д.

Наша туристская группа состояла из восьми чело-

век: двух писателей, двух журналистов, работника кинематографии и трех женщин-общественниц. Трое из наших товарищей знали французский язык, двое — английский и немецкий, так что в поездке по Африке мы могли обходиться без посторонних переводчиков.

У нас было достаточно времени подготовиться к этой поездке, поработать над словарем-разговорником и познакомиться с литературой об Африке, прочитать по возможности наиболее солидные исследования о современной Африке — У. Дюбуа, Луи Жаколио, П. Баранова, И. Потехина. В числе других книг я перечитал дореволюционное издание «Путешествия по Африке» В. Юнкера. Отдельные места этой книги наводили ужас, особенно те, в которых речь шла о людоедстве.

Нам страстно хотелось побывать в Экваториальной Африке.

В некоторых странах, которые предстояло посетить, никто из советских людей не бывал.

Почти год мы ждали разрешения — виз на поездку. За это время я прочитал столько книг об Африке и столько передумал о поездке, что мне стали кошмары сниться. В действительности ничего страшного не произошло, если не считать козней и помех со стороны префектуры в Париже и кое-где в пути...

Весь путь от Москвы до Парижа занял всего три с половиной часа. Едва мы переступили порог аэровокзала на аэродроме Бурже, как представители туристской фирмы и префектуры отвели нас к фотоавтомату и потребовали дополнительно по четыре снимка с каждого.

— Неужели восемнадцати, ранее затребованных, мало?

— Стало быть, мало. Давайте побыстрей, это в ваших интересах.

Пришлось подчиниться. Фотоавтомат за один франк через три минуты выбросил четыре влажных снимка.

На товарищей, владеющих французским языком, возложили все переговоры о визах. На это ушло четыре дня. Посольства Нигера, Верхней Вольты, Габона и Дагомеи завизировали наши паспорта беспрекословно. Упорствовало посольство республики Берега Слоновой Кости. Почему? Было ясно, что такое сопротивление оказывалось не без влияния колонизаторов и не без подсказа парижской префектуры. Колонизаторам крайне не хотелось пускать советских туристов в Абиджан и вообще на Берег Слоновой Кости. Пожалуй, нигде грабительская колониальная политика не выступает так обнаженно, как здесь. Эта республика является наиболее развитой в промышленном отношении среди стран Экваториальной Африки. Вот почему империалисты стремятся любыми средствами удержать за собой право на эксплуатацию и грабеж ее природных богатств. Демагогическими заигрываниями с мелкой туземной буржуазией и местными служащими, предоставлением им некоторых привилегий они хотят создать себе опору в этой стране.

Наконец виза на Берег Слоновой Кости была получена. Но как только мы вылетели из Парижа, в африканские порты вслед за нами понеслась радиограмма: «Восьми советским туристам (перечислены фамилии) визы, выданные посольством Берега Слоновой Кости, аннулированы, въезд запрещен». Почти в каждом аэропорту во время остановок таможенные чиновники предупредительно напоминали нам об этом хам-

ском «гостеприимстве». Как не вспомнить в связи с этим слова Грэма Грина, автора «Тихого американца»: «В здешних краях последнее слово всегда остается за полицией: она может аннулировать ваш пропуск, запретить посещение пресс-конференций и, наконец, если захочет, отказать вам в разрешении на въезд...» Предсказание Грина не замедлило оправдаться с первых же шагов нашей поездки.

Путь в Нигер, с которого начиналось наше путешествие, проходил через Париж, Марсель, Алжир, Сахару. Вылетев вечером из великолепного аэропорта Орли, самолет к рассвету доставил нас в совершенно другой, неведомый нам мир.

Столица республики Нигер — Ниамей находится в глубине континента, примерно в тысяче километров от Гвинейского залива. Еще вечером мы бродили по улицам шумного, блестящего Парижа, а ночью словно какой-то волшебник перенес нас в эту выжженную песчаную местность, освещаемую лучами восходящего солнца.

Наш приезд совпал с кануном национального праздника. Вокзал украшен государственными флагами всех стран мира. Нет только флагов Португалии и Южно-Африканской Республики, не признавших республику Нигер как самостоятельное государство.

Утренняя прохлада быстро прошла, температура начала стремительно подниматься, достигла сорока градусов, а это было внушительным скачком после пятнадцатиградусного декабрьского парижского холода.

В аэропорт то и дело прибывали самолеты с иностранными делегациями. Среди гостей были полуголые чернокожие африканцы, нарядные арабы, суданцы.

Побережье Гвинейского залива

Какая смесь языков, лиц, разнообразных одеяний! Некоторые из африканцев одеты по-европейски, другие — в многокрасочных ситцевых и шелковых халатах. Необычными казались изображения, видимо, туземных деятелей, отпечатанные на широких штанах некоторых проходивших мимо гостей. Местное население из нигерских округов одето в длинные белые галабеи.¹ Здесь арабское влияние чувствуется не только в одежде, но и в быту, в обычаях.

---

¹ Галабея — длинная одежда из тонкого полотна или ситца в виде халата, чаще всего белого и темно-синего цвета. Носят ее арабы, но и среди африканцев, особенно в Нигере, где жители исповедуют ислам, галабея — основной вид одежды.

В Ниамее мало отелей, и приютить всех гостей в дни празднования первой годовщины республики было не просто. Но нас это не опечалило. Мы согласились бы переночевать в палатках, лачугах, шалашах — где угодно, лишь бы увидеть празднество африканцев. Гостеприимные хозяева устроили нас на ночлег в комнатах при аэровокзале, где обычно отдыхают летчики.

Дорога от аэропорта до столицы, находящейся в двенадцати километрах, проходит по пустынной, песчаной, лишенной растительности местности. Невдалеке видна широкая, спокойная река Нигер. По длине она превосходит нашу Волгу, но уступает ей в многоводности и лишена больших притоков. Даже в среднем течении ее нет судоходства.

Подъезжая к окраине Ниамея, мы увидели многотысячный отряд всадников на верблюдах и конях, приготовившийся к параду. Красивое, незабываемое зрелище! Верблюды и кони разукрашены цветными ситцевыми лентами, бархатными попонами, погремушками и кистями. Всадники в разноцветных галабях, тюрбанах. Их шеи обмотаны длинными шарфами. У некоторых рты полузакрыты белыми повязками. Ноги всадников обуты в легкие тапочки. Верблюды нередко несут на своих горбах двух седоков — спереди муж, позади, под белым балдахином, скрыта жена. В руках участников парада — национальные флаги. Гремит оркестр, состоящий из длинных деревянных труб, высоких барабанов, по которым бьют особыми крючковатыми палками, стараясь вызвать как можно больше шума, заглушающего и говор, и смех, и выкрики вождей-командиров.

В архитектурном облике нигерийской столицы пре-

обладает арабский стиль. Внимание привлекают здания правительства, Национальной Ассамблеи, министерств, построенные с большим искусством. Дома европейской архитектуры встречаются гораздо реже — в них размещены посольства и торговые представительства США, Франции, Англии.

Во всем чувствовалось, что город жил предстоящим большим, радостным событием. Перед зданием правительства почетный караул — солдаты в ярких красных мундирах. К празднику приурочены ярмарка и выставка достижений первого года республики. На улицах многолюдно, живо, весело. Расположенные на окраине города зоопарк и небольшой этнографический музей переполнены. Гудит стадион, где происходит схватка футбольных команд.

Африканцы очень приветливы. Почему-то, как я заметил, особое внимание они уделяли мне. «Секрет» открылся вскоре: на голове у меня была феска, какие обычно носят проповедники ислама (ее мне подарил ливанский журналист). 85 процентов населения Нигера — мусульмане. Вот почему мне расточали поклоны и приветливые улыбки. Но стоило заговорить со мной — наступало разочарование: кроме «салам алейкум», я ничего не мог сказать по-арабски.

Местный базар не очень шумный. Предметов потребления и домашнего обихода в продаже сколько угодно. Тут же в балаганах пекут, жарят, варят, парят, продают сласти и пряности. Работают уличные мастерские — портновские, сапожные, слесарные. Здесь можно починить замки, старые охотничьи ружья — всё, что под силу мастеру.

На площади, заполненной народом, ожидавшим парада национальной кавалерии, толпились тысячи любопытных — нарядных, веселых негров и арабов. Особый интерес вызывали подгулявшие старики с французскими орденами и медалями на галабеях. Это участники первой империалистической войны, которые вместе с сенегальскими стрелками били бошей под Верденом и на Марне в 1914—1916 годах. Позднее империалисты послали их даже в Одессу и Крым на помощь русским белогвардейцам. Ветераны войны гордо шествовали по площади Ниамея, выставляя напоказ добытые в боях регалии.

Выставка достижений республики разместилась в одном длинном павильоне, покрытом брезентом. Особенно радовали жителей образцы ископаемых богатств, найденные в результате разведки недр страны. Тут были оловянная руда, каменная соль, свинец, медь, железная руда и вольфрам. Судя по образцам, ископаемые богатства сулят республике в недалеком будущем быстрое промышленное развитие и процветание, конечно, при условии полной экономической самостоятельности.

Несколько дней длилось торжество. В столицу, население которой едва насчитывает тридцать тысяч жителей, на празднование годовщины Дня независимости

Ярмарка в Ниамее

собралось не менее ста тысяч тружеников, приехавших из разных мест страны.

Состоялся национальный парад. Правительство Нигера устроило официальный прием в честь гостей — представителей многих стран. С почетом были встречены работники нашего посольства, прибывшие на праздник из Республики Мали.

Президент республики Аmani Диори в ответ на поздравление Советского правительства сказал, что хо-

рошо понимает роль Советского Союза в международной жизни и надеется развивать с ним экономическое сотрудничество...

В Нигере большое место занимает животноводство. Крупный и мелкий скот в течение всего года пасется на обильных пастбищах. Много скота экспортируется. На праздничной ярмарке широко были представлены кожаные изделия.

За год своего самостоятельного существования республика, естественно, не могла ликвидировать вековую отсталость — результат грабительской политики колонизаторов. Но сдвиги заметны — сейчас расширяется сеть школ. Образование — основная проблема Нигера, где в последний год господства французских захватчиков в начальных школах обучалось едва ли пять процентов детей школьного возраста, а на каждые сто тысяч населения был только один врач.

Правительство и партия «Саваба», вернее, секция, входящая в Партию африканской федерации, вместе со своим народом стремятся к подлинной экономической независимости от французских колонизаторов, приспособляющихся к новым условиям в странах, рвущих цепи колониализма...

* * *

Четырехмоторный «Дуглас», который несет нас над джунглями в сторону Дагомеи, кажется тихоходом в сравнении с «Боингом» или «Каравеллой». С большой высоты мы любуемся тропическими лесами. Неприятная новость, сообщенная экипажем корабля, оторвала нас от этого занятия. Получена радиограмма, в ко-

торой аэропорт в Котону, где должна быть пересадка, сообщает: «Низкая облачность, принять не можем, опасно». Летчик, сделав несколько кругов над Котону, убеждается — густая, нависшая над землей облачность. Только над Гвинейским заливом небо чистое, но «Дуглас» не приспособлен садиться на воду. Экипаж получает по радио указание: «Направляйтесь в Того, принять не можем». Нам это на руку, таким путем мы без пересадки попадем в Ломе — столицу Того, куда и направляемся.

Самолет повернул над Атлантикой и пошел в Того. Стал заметно чувствоваться недостаток кислорода. Состояние при этом прескверное, дышать трудно, тело покрылось обильным потом. Откинув спинки кресел, мы, что называется, лежали в лежку, высунув языки. К сожалению, из аэропорта радиовали: «Облачно, принять не можем. Летите в Абиджан»...

Хотя перспектива затяжки полета и не улыбалась нам, один из туристов обрадованно заявил:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло! Увидим Абиджан — столицу Берега Слоновой Кости...

— А что толку? Визы аннулированы, из самолета нас не выпустят.

— Хоть бы кислорода прибавили. Неужели нельзя что-нибудь открыть? — возмутились даже самые не-

возмутимые пассажиры. — Сидим, как тараканы в спичечной коробке.

Снова радиограмма из Абиджана: «Ищите место посадки в Гане. Берег Слоновой Кости принять не может».

— Ну и черт с ним, с этим Берегом! Гана — передовая республика. Там наше посольство... Только бы выдержать и не задохнуться в утробе «Дугласа».

Уже всюю ревели дети каких-то интеллигентных европейских родителей, перелетавших с места на место. Рыдали полузадохшиеся дамы, увешанные золотыми побрякушками.

Этот полет был наихудшим за все время нашего путешествия по Африке, где за три недели мы в общей сложности налетали более двадцати тысяч километров.

Наконец под нами на малой высоте сквозь облака показалась Аккра — столица Ганы. Все вздохнули свободнее.

Четыре часа мы отсиживались и оживали в аэропорту, наслаждались освежающим напитком кока-кола и прохладительной влагой прямо из кокосовых орехов.

Но вот разошлись облака над побережьем Гвинейского залива, и мы транзитом через Котону, с пересадкой на другой самолет, перемахнули в Ломе — столицу Того.

Время туристов учтено до минуты, ограничено до крайности. Тратить его впустую не полагается. Поэтому сразу же, как только устроились в отеле «Бенин», отправляемся осматривать город.

На набережной Гвинейского залива мы встретили группу учащихся средних школ. Узнав, что мы — туристы из Советского Союза, ребята очень обрадовались.

Раздали им сувениры — альбомы, открытки с надписями на французском языке, советские жетоны и значки. Некоторые из ребят знали, что в Москве есть Университет дружбы народов. Юный африканец — ученик девятого класса Суду Роджи обратился с просьбой:

— Рус, возьми меня советика университет Патрис Лумумбы...

Другие тоже присоединились к нему и стали спрашивать нас об условиях приема в университет. К их счастью у нас оказались отпечатанные правила приема в Университет дружбы.

48487

Воздвигнутый в центре города монумент Свободы является символом нового Того, свободного от колонизаторов. Идея памятника предельно ясна и выразительна, а его художественное выражение реалистично, отличается большой глубиной и силой. Монумент представляет собой огромное гранитное панно, в центре которого майоликовое изображение могучего негра, рвущего над головой цепи. Яркие вертикальные полосы, украшенные искусно сделанным орнаментом, создают впечатление своеобразной арки, а сама фигура кажется скульптурой, вырезанной из отдельного куска гранита и расположенной в центре арки. Этот монумент с большой впечатляющей силой выражает дух всего народа борющейся Африки, рвущего оковы. Монумент отразил знаменательное событие в жизни того-

лезского народа — провозглашение независимости страны в апреле 1960 года, когда он и был открыт.

Французские колонизаторы, используя католических миссионеров, попытались сорвать праздник независимости. Но тоголезцы не пожелали слушать религиозные бредни французских проповедников, и празднование состоялось.

Во время республиканского торжества произошел эпизод, достойный внимания будущих историков Африки. Когда на стадионе проходил массовый митинг, представитель Франции Жакино хотел по обыкновению занять место на трибуне среди членов тоголезского правительства, но ему вежливо предложили пройти туда, где находятся представители других стран, добавив, что отныне его место только там. Пришлось усвоить этот урок и понять, что времена колониального владычества в этой части Африки для Франции канули в прошлое.

По одной из окраин города Ломе проходит государственная граница между Того и Ганой. Такое разделение единокровных африканцев кажется странным, но объясняется оно колониальным разделом Африки империалистами. Гана была захвачена англичанами, Того — французами. Колонизаторы поделили между собой территории и установили границы по своему усмотрению. Теперь они усиленно натравливают одних африканцев на других, создают враждебные группировки. Волей-неволей пришлось закрывать границу на крепкий замок.

Мы видели сотни и тысячи африканцев, пеших, конных и на автомашинах с той и другой стороны, ожидавших с вечера у шлагбаума пропускного пункта.

Ночью граница заперта. Печально было смотреть на скопище людей, одинаковых по цвету кожи, равных в человеческих правах, но разделенных искусственными перегородками. В интересах народов Африки как можно скорее ликвидировать эти перегородки и осуществить объединение.

Вечером мы были в кино. В Ломе, как и в других городах Того, демонстрируются египетские, индийские, французские, американские фильмы. Советские — крайне редко. Зрители больше всего любят документальные картины. Психологическая романтика им непонятна, она усыпляет их, и они бурно протестуют криками: «Долой».

О советской действительности даже интеллигенция имеет весьма слабое представление. Управляющий гостиницей «Бенин», среднеграмотный африканец, владеющий языками в меру надобности для выполнения служебных обязанностей, сказал:

— Желая побывать в Ленинграде, я изучаю Октябрьскую революцию. Мне надо посмотреть, где она происходила, где жил Ленин...

Ему подарили альбомы с видами Ленинграда и открытки с изображениями наших космонавтов. Прочтя фамилию — Титов, управляющий гостиницей не без гордости заявил:

— Я его видел. Он устраивал прием в нашем ресторане...

Мы удивились, зная, что космонавт Титов в Ломе никогда не был. Скоро невинная ложь раскрылась. Оказалось, что управляющий гостиницей спутал нашего космонавта с президентом Югославии Тито... Что же тогда спрашивать с абсолютно неграмотных афри-

канцев, которых колонизаторы лишили права на образование!

Тоголезцы — открытые, чистосердечные люди. Особенно полюбилась нам молодежь, веселая, энергичная, любознательная. Один молодой парень сопровождал нас в поездке в город Палиме. Его зовут Кодю. Он спросил, как меня звать.

— Константин.

Кодю несколько раз пытался произнести мое имя, но у него получалось «Кон-сатана-кинь». Тогда я предложил ему называть меня дядя Костя. Это он выговаривал отлично, но удивлялся, почему одного и того же человека можно называть разными именами. Выручил незаменимый наш переводчик, московский журналист Володя Николаев, который много раз помогал мне в разговорах с африканцами. И на этот раз его объяснение полностью удовлетворило Кодю. За границей остро чувствуешь, как необходимо знание одного-двух европейских языков. И невольно позавидуешь тому, кто ими владеет.

Гостеприимные тоголезцы устроили нам угощение в ресторане, недалеко от Ломе, на берегу озера Того. Днем мы смогли бы увидеть во всей непередаваемой красоте природу здешних мест, посмотреть в естественных условиях крокодилов и бегемотов. Но, приехав вечером, мы увидели только одну «супружескую чету» почти трехметровых крокодилов в специальном бассейне ресторана. «Супруги» спокойно почивали, закрыв глаза и пасти. Мы их потревожили. Свет карманных фонариков, наведенный на этих чудовищ, заставил их проснуться. Недружелюбно поглазев на нас, они отползли под прикрытие деревьев и снова задремали.

Между тем прямо на берегу озера, под пальмами, африканцы накрывали скатертями столы, расставляли тарелки. В стороне горел костер. Два красивых, могучего сложения негра жарили целого барана. Туша была распластана на железной раме, и ее, как на точилье, крутили за рукоятки над костром, медленно поворачивая к огню то одной, то другой стороной. Пламя костра временами выхватывало из густой темноты огромные собачьи морды с высунутыми языками. Избалованные подачками собаки не напрасно присутствовали на этой церемонии.

— Это же для нас стараются. Смотрите, целого барана!..

— Не может быть. Куда нам столько? И давно ли пообедали!..

На столах уже появились бутылки сухого вина, тарелки с хлебом. Вилки и ножи не подали. На тележке подкатили жареного барана. По здешнему обычаю мясо надо рвать руками на куски, кому что понравится. Я взял было кусочек, а он тянется, как каучук, и не рвется. Вгляделся — туша лишь сверху запечена, зажарена, а внутри мясо с кровью... Нет уж, если руками не смогу оторвать, то зубами тем более не разжевать полусырое мясо, и я оставил тушу в покое. Мой приятель Александр Роу, любитель поесть, заметив мою нерешительность, сказал:

— Рви и ешь. Надо соблюдать этикет здешней страны. Мы не можем устанавливать здесь свои порядки в еде! — И решительно оторвал от туши целую ляжку. Ухватив ее обеими руками, он ел с наслаждением, вызывающим зависть у официантов. Те чмокали и хвалили:

— Первый европеец, который ест по всем правилам! — И предложили ему еще кусок пожирней.

— Мерси боку!

Неторопливо потягивая сухое вино, закусывая апа-насами, мы поддерживали деликатные разговоры.

Обратно возвращались поздно. По сторонам шоссе в пальмовых рощах мелькали огоньки. То не был свет из окон, ибо их нет в лачугах африканцев. Это полыхало пламя костров, на которых готовилась пища, или светили керосиновые лампы на столах мелких торговцев, продающих мыло, сигареты, спички и различные сласти, изготовленные тут же на месте продажи.

На побережье возле костров сидели уставшие черные, как тени, рыбаки Гвинейского залива. Запах свежей рыбы гнался за нами. Над Атлантикой собиралась гроза, предвещающая ливень. Грома не было слышно, однако яркие зарницы озаряли океан. Поднялся ветер, возмущенный океан разбушевался. Ветер шумел в пальмовых рощах, и было слышно, как падали, ударяясь о твердую землю, тяжелые кокосовые орехи.

Местами, где жуткая черная ночь сливалась с непроницаемым темным лесом, нам становилось не по себе. Иногда фары выхватывали из темноты полуголые фигуры с тесаками на поясах.

— Кто они? Партизаны?

— Нет, это сторожа, стерегут что-то, — нехотя отвечал нам водитель.

— А львы и леопарды здесь водятся?

— Да, но встречаются не чаще, чем на Елисейских полях...

Вчерашний баран, оказавшийся непрожаренным

козлом, пришлось не по нутру нашему гурману, столь прилежному в еде. Роу весь день пролежал в номере гостиницы. Вызвали врача, но тот, узнав в чем дело, успокоил:

— Ничего страшного. Пройдет. Это не редкий случай...

Наши друзья посоветовали съездить в окружной город Палиме, находящийся в ста пятидесяти километрах от столицы, — посмотреть страну изнутри. И вот наша машина мчится по укутанной по красному до роге. По сторонам высокая высохшая, как спелая рожь, трава. Затем начинаются леса, переходящие в джунгли. Вся эта густая, непроходимая масса сплетена и запутана лианами. Есть где укрыться зверю, есть чем поживиться людям.

Иногда автомашины, влетая под нависшие ветви, скрывающие белый свет, попадали как бы в туннель. Возле дороги нередко встречались высокие, достигающие трех метров, покинутые муравьями термитники такого же красновато-рыжего цвета, как и здешняя земля. Внимание привлекали могучие баобабы по десять и более метров в обхвате. А лет им за тысячу.

Рядом с шоссе проходит узкоколейная железная дорога, построенная еще в 1904 году, которая соединяет Ломе и Палиме. И узкоколейка, и шоссе обслуживали нужды колонизаторов, по ним они вывозили тысячи тонн кофе и какао. Теперь это собственность подлинных хозяев — тоголезцев, чьими руками обе дороги построены.

Того, став суверенным государством, взяло в свои руки экспорт национальных богатств. Вывозится хлопок, арахис, кофе, какао. В этом мы сами убедились,

увидя поток встречных груженных автомашин, идущих в порт. Как мы потом узнали, экспорт республики превышает импорт.

Хижины тоголезцев в деревнях, окруженных тропическими лесами, не кажутся так ужасающе бедны, как лачуги, которые нам пришлось видеть в деревнях Верхней Вольты. Но необеспеченность народа и низкий уровень культуры пока еще остались и здесь. Понятно, что невозможно в столь короткий срок ликвидировать наследие колониального господства.

Ровно тридцать лет владычествовали в Того немцы. На смену им по мандату Лиги Наций пришли французские и английские империалисты, которые, поделив страну, грабили ее сорок пять лет. Наследство после них осталось тяжелое.

Добившись независимости, народ воспрянул духом, ожил, почувствовал себя подлинным хозяином положения. Этого нельзя было не заметить, проезжая через населенные пункты страны.

Мы останавливались в Асахун и Агу посмотреть, как производятся сбор, сушка, погрузка и отправка кофе и какао — этих основных продуктов вывоза. На рельсах стоят целые составы платформ, наполненных темно-серыми бобовыми зернами. Горячее африканское солнце просушивает зерна до требуемой кондиции. А если идет дождь или ливень, которые не часто бывают в этой засушливой стране, тогда платформы с ценным грузом вкатываются по рельсам в пакгаузы, покрытые железными листами.

Старый африканец-надсмотрщик рад был первой встрече с советскими туристами. Он блеснул даже знанием четырех русских слов:

— Господин, госпожа, говорите французски?

— Да, говорим...

Больше он не мог ничего сказать по-русски. Ему это вполне простительно. В Советский Союз нередко приезжают образованные богатые европейцы-туристы, кутят в «Астории» неделями, а по-русски знают только: «водка, старка, икра, спасибо...» — остальное им объясняют наши переводчики.

Работающий на погрузочной базе вблизи Палиме служащий-тоголезец охотно принял участие в беседе с нами. Его знание французского языка позволило ему уверенно вести разговор. Он с гордостью говорил о своем президенте Сильванусе Олимпио.

— О, это голова! Олимпио правильно делает, мы его любим. Земля наша богата, французы обирали ее

С дровами из джунглей

сверху, а внутри она сохранила богатства. У нас не будет неграмотных, не будет бедных. Олимпио научит нас, мы откроем то, что есть в земле. Будет свое железо, свой бензин...

Двое полуголых рабочих-африканцев подкатывали небольшие цистерны с керосином. Показывая на них, наш собеседник сказал:

— Чужое горючее, французское, но будет у нас и свое... А кофе, какао, арахиса, проса, маниоки нам земля даст больше, чем при колонизаторах...

Узнав, что мы из СССР, служащий прямо расцвел от удовольствия.

— Россия наш друг, — приветливо улыбаясь, говорил он. — Олимпио, Россия — дружба. Хрущев — мир. Олимпио — свобода. Лумумба — свобода, Нкрума — свобода. Вся Африка будет интернациональной.

В этих лаконичных фразах, высказанных горячо и убежденно, наш собеседник показал себя приверженцем прогрессивных убеждений.

Прямо возле крайних хижин селения снова начались джунгли. Из леса навстречу нам выходили на шоссе женщины, которые несли на головах сухие ветки для приготовления пищи. У некоторых в тазах и корзинах были кокосовые орехи. Ноши были тяжелые, но женщины шли не сгибаясь, так как этот способ переноски требовал строгого равновесия, упругости развитого тела.

Вскоре мы добрались до Палиме. Здесь кончалась железная дорога, а шоссе, извиваясь, уходило в горы, откуда, шумно журча, струились скрытые в зелени лесов водопады.

Палиме невелик, и понадобилось немного вре-

мени, чтобы осмотреть его базар, улицы, состоящие из одноэтажных зданий городского типа. В городе есть несколько школ, детские сады и ясли, женское общество, стремящееся дать образование детям, а также облегчить и свою участь.

После осмотра мы направились в горы, на дачу президента республики Сильвануса Олимпио. Несмотря на горячее желание встретиться с выдающимся деятелем тоголезского народа, мы понимали, что рассчитывать на это не приходится, так как у президента много государственных дел.

Известное представление о главе государства Того мы почерпнули из газет, но расширить его нам дал возможность рассказ человека, которому довелось встречаться с Олимпио. Это Владимир Сосинский — бывший работник ООН, много лет прослуживший в аппарате Совета опеки. Как известно, на этот орган возложена обязанность заниматься делами колониальных стран, изучать отношения между колониями и колонизаторами, выявлять страны, готовые к самоопределению.

Ежегодно Совет опеки ООН собирал в Нью-Йорке представителей метрополий для докладов о положении дел в их колониях. Конечно, докладчики от капиталистических стран представляли жизнь угнетенных народов в розовом свете. Они привозили иллюстрированные, изящно оформленные отчеты, хвалились тем, как много сделали для туземцев, утверждали, что колонии не хотят самоопределения, что лучшей жизни африканцы не представляют себе и признают своими хозяевами только цивилизованных европейцев. Представителей же самих колоний, особенно прогрессивных,

революционно настроенных, колонизаторы всячески старались не пускать в Нью-Йорк на заседания Совета опеки. Им отказывали в визах на въезд в США, делали всё возможное, чтобы голос угнетенных африканцев не был услышан.

Сосинский поведал нам об одном событии из жизни Олимпио, в котором вождь тоголезского народа предстал перед нами в образе непримиримого борца за независимость родины.

Однажды французские колонизаторы направили с очередным докладом в Совет опеки губернатора Того. По настоятельному требованию делегации Советского Союза в качестве законного представителя от тоголезского народа на заседание Совета был допущен и Сильванус Олимпио. Большого труда стоило ему достичь берегов Америки и попасть за круглый стол Совета опеки.

Французский управитель Того, делая доклад, расхваливал деятельность колонизаторов, обещая и впредь долгие годы так же «заботливо» опекать тоголезцев, якобы еще неспособных к самоуправлению. Затем он в самой грубой форме стал поносить Олимпио и возводить на него клевету. Колонизатор называл его самозванцем, прибывшим в Нью-Йорк благодаря стараниям коммунистов, и утверждал, что он не имеет права выступать от имени народа Того, так как вождистаросты селений, являющиеся верноподданными сторонниками Франции, не выбрали Олимпио и не послали его в Совет опеки...

Тогда взял слово Сильванус Олимпио. В яркой патетической речи, произнесенной на прекрасном французском языке, он с огромной силой и доказательно-

Деревня в Того

стью без труда разоблачил уловки и клевету французского представителя, отверг все его выпады и оскорбления. Олимпио убедительно показал страдания тоголезского народа под гнетом захватчиков и выразил убеждение в том, что его родина может стать счастливой только после предоставления ей свободы самоопределения.

Заканчивая речь, он развернул длинный свиток с подписями и печатями вождей племен Того, требовавших самоопределения и предоставлявших своему представителю Олимпио право выступления от имени тоголезцев. Прочтя эту поразившую французского представителя, как гром, грамоту, Олимпио протянул ее председательствующему. В этом случае, дежурному офицеру-французу полагалось взять из рук Олимпио свиток для передачи. Но офицер обомлел, не двинулся с места. Тогда сотрудник секретариата сделал это за него.

Докладчик прибег к новой уловке: удивленный и приниженный замечательной речью своего противника, он сказал, обращаясь к членам Совета:

— Вот вам живой пример того, как благодаря опеке Франции, насаждающей в колониях цивилизацию, африканцы достигают высокой образованности... Франция несет в свои колонии просвещение и культуру многовековья. Благодаря Франции и ее опеке в Того и других подмандатных территориях негры становятся вровень с европейцами...

Олимпио тогда ответил ему:

— Да, я имел возможность получить образование в лондонском университете, потому что мой отец имел средства. Но парод наш, ограбленный колонизаторами,

пробывает в нищете и темноте, лишенный света знаний. Нам нужна самостоятельность управления. Мы этого требуем и найдем силы народного разума управлять собою...

Остаток дня мы провели в горах между Ганой и Того и вечером выехали обратно в Ломе. На пути нас застал тропический ливень, короткий, но по-настоящему обильный. За какие-нибудь полчаса, пока он шел, шоссе превратилось в бурный ручей. Пришлось сделать остановку. Но вот вода схлынула, и как-то сразу обнажилось и сразу же высохло шоссе.

* * *

Наше посольство в Того устраивало прием в честь депутатов Национального собрания, которые в эти дни обсуждали в столице бюджет и план развития народного хозяйства.

Вместе с депутатами пришли их жены, причем некоторые из них прихватили с собой грудных детей и школьников. Женщины и дети угощались халвой и пирожными, мужчины пробовали нашу столичную водку. Понравилась. Начались веселые разговоры. Кто мог — беседовал с гостями по-французски, остальные объяснялись жестами.

Прием происходил в саду посольства. При свете электричества щебетали какие-то птички, стрекотали неусыпные цикады. Вокруг лампочек кружились бабочки. Таков декабрьский вечер в Того, когда после знойного дня наступает тихая, влажная прохлада и ни один лист на деревьях не шелохнется. Вдруг в эту тишину ворвался с улицы какой-то странный шум: не

Тоголезская женщина с детьми

то пение, не то плач со стоном. Выглядываю через про-
светы в ограде. Толпа абсолютно голых мужчин и жен-
щин идет по улице и голосит. Спрашиваю:

— Что это, демонстрация?..

Один из посольских работников разъясняет:

— Это религиозные фанатики просят у бога дождя.
Того — страна сельскохозяйственная, и земля постоянно
нуждается во влаге. Ливень же сегодня прошел,
минуя город и ближние поля...

— Мы видели его в пути...

— Ну, может быть, и не тот. Но так бывает
в Африке: где ждут дождя — он не приходит, и на-
оборот.

— Какая у них религия?

— Есть немного христиан, еще меньше магометан,
а эти, что прошли сейчас по улице, исповедуют мест-
ный культ. Какому фетишу они поклоняются — за-
трудняюсь сказать...

Кинороботник посольства подготовил аппарат, на-
чалась демонстрация картины. С интересом смотрели
тоголезцы, как Советский Союз помогает Афганистану
в создании промышленности и культурных учрежде-
ний. Гул одобрения и реплики:

— Нам бы такие госпитали...

* * *

Несмотря на то что за день мы порядком устали,
почью не спится. Выхожу на балкон. Город спит. Не
шумит у берегов угмонившаяся Атлантика. Небо аб-
солютно черное. Только здесь, в Африке, довелось мне

увидеть его таким. На этом фоне звезды кажутся необыкновенно яркими, их расположение необычайно, они кажутся незнакомыми, не нашими.

Думы несутся в обгонку одна другой. Далеко до Родины, а современные воздушные корабли могут всего за сутки доставить в Москву... Но нам надо побывать еще там, где не бывали советские люди. Мы — первые!..

Шумит в номере втиснутый в стену аппарат кондиционирования воздуха. Дышится легко. Перед сном необходимо записать впечатления за день. Раскрываю записную книжку, но как-то получается, что вместо этого стал писать о том, как собирался в поездку...

...Полет в Африку должен состояться. Всё известно — когда и куда.

Перед отъездом был в Институте этнографии Академии наук СССР у известного африкановеда Дмитрия Алексеевича Ольдерогге.

Быть может, пригодятся при встречах в Африке некоторые сведения о том, что делают советские ученые по изучению проблем Африки...

Дмитрий Алексеевич рассказал мне, что Московский институт Африки занимается изучением и созданием истории современной Африки. В Ленинграде же специальный сектор Института этнографии изучает историю Африки доколониального периода, а также языки народов Африки.

Пока еще полная история Африки не написана. Ее создают советские ученые на основе обобщения арабских и античных источников с привлечением китайских и персидских. Объем этого труда предполагается в 10—15 томов. Языковеды-африканисты составили

словарь языка многочисленного племени хауса, преобладающего в Нигерии. Кафедра африканистики готовит кадры для наших учреждений, связанных с деятельностью и жизнью африканских стран.

Беседа завершилась посещением музея, находящегося при институте, в здании петровской Кунсткамеры. Интересного много и... недостаточно. Хотелось бы более широкого отображения истории культуры Африки. Но хорошо и то, что есть...

Я видел бронзовые скульптуры, изображающие головы царей древнего Бенинского царства;¹ наскальные изображения животных, которым не менее десяти тысяч лет; керамические сосуды причудливых форм; оружие — мечи, изогнутые ножи для какого-то особого применения; ткани, бытовые украшения, музыкальные инструменты, деревянные трубы, требующие не только умения, но и богатырской мощи, чтобы извлечь из них звуки; слоновые бивни с иероглифами, рассказывающими об исторических событиях, и многое другое, относящееся к истории культуры Африки весьма отдаленных времен... Есть современная графика, своеобразная, тонкая, так называемая пото-пото. Художники отображают в миниатюрных рисунках традиционные обычаи народов. Всё оригинально, без каких-либо следов подражательности...

---

¹ Государство Бенин существовало с X до конца XIX века. В 1897 году оно было захвачено англичанами и включено в колонию Нигерию. Жители Бенинского государства — бини — в свое время отличались высоким мастерством в искусстве литья бронзовой скульптуры. В Ленинграде в Музее антропологии и этнографии имеется большая коллекция памятников искусства древнего бенинского царства.

Надменные колонизаторы всячески принижали и зачеркивали традиционную самобытную культуру африканцев. Вот почему Европа так мало знала о ней. Несомненно, что в условиях полной независимости искусство африканских народов снова пышно расцветет. Конечно, быстрый прогресс африканской культуры зависит от того, как скоро народы черного континента встанут на путь объединения и индустриализации...

В ВЕРХНЕЙ ВОЛЬТЕ

Наша поездка в Верхнюю Вольту состоялась еще в дни, когда в Нигере, с которого началось наше ознакомление с Экваториальной Африкой, шла подготовка к празднованию годовщины провозглашения независимости. К празднику мы вернулись обратно в Нигер. Чтобы не прерывать описания и не мешать цельности впечатления, я решил вести свои записи строго по странам.

В столице республики Уагадугу есть парламент, президент, но одновременно есть и «вождь вождей», традиционный «император» из наследных принцев — моро-набо. Казалось бы, громкий титул императора мало соответствует небольшой стране с населением лишь в три с половиной миллиона, да еще при наличии республиканского правления. Но так или иначе, он существует. Традиция есть традиция.

Разумеется, мы не ожидали увидеть здесь что-либо особенное. Город небольшой. Только центр представлен широкими улицами, застроенными одноэтажными особняками французских колонизаторов и домами

местных служащих, составляющих «средний» класс. Недавно построены три небольших правительственных здания. Они резко выделяются современным легким стилем, соответствующим жаркому климату и запросам руководящего страной аппарата. Окраины же мало чем отличаются от глубоких захолустий — такие же прижатые к земле глинобитные хижины без окон, покрытые пальмовыми ветвями.

Здание правительства в столице Верхней Вольты — Уагадугу

Вождь вождей живет на почтительном расстоянии от министерств и Национальной ассамблеи в принадлежащем ему дворце, в окружении своих слуг.

Возможность видеть живого монарха представляется сейчас не так уж часто, поэтому можно понять наше желание встретиться с ним. Особенно настаивали на этом писатели и журналисты.

В сумерки мы подъехали к резиденции императора. Через приближенных нам было заявлено, что его величество сможет принять нас завтра после десяти часов утра в любое время. Вечер мы использовали для встречи с министрами информации и здравоохранения, а также с директором женского лицея и местным писателем Кизерба, работающим над историей Верхней Вольты. Встреча, как говорится, прошла в обстановке дружбы и взаимопонимания.

Министру информации пока, собственно, нечем было похвалиться -- в республике еще не выходит ни газет, ни журналов, если не считать бюллетеня новостей, печатаемого на ротаторе тиражом в тысячу экземпляров. Французские газеты распространяются в незначительном количестве. Это и не удивительно, так как пока только двадцатая часть детей школьного возраста имеет возможность учиться. Среди взрослых грамотные встречаются крайне редко.

В Уагадугу есть сельскохозяйственная школа, которая готовит лаборантов-животноводов. Преподают в ней французы. С курсантами этой школы мы познакомились. Из встречи мы вынесли впечатление, что молодежь Верхней Вольты горячо стремится обрести для своей родины полную политическую и экономическую независимость.

По соседству расположено отделение Института Черной Африки, возглавляемое французским персоналом. Директор Ги ле-Моаль любезно познакомил нас с работой учебного филиала. Конечно, уровень высшего образования, преподносимого французскими специалистами, невысок, и обучение проводится в удобном для колонизаторов духе.

Вынужденные предоставить Верхней Вольте воз-

Студенты сельскохозяйственной школы

возможность именоваться республикой, захватчики вовсе не собираются сдавать свои позиции и любимыми средствами стараются сохранить их, используя и помощь «императора».

Филиал института меньше всего занимается подготовкой образованных кадров из числа туземцев. Главная проблема, которую он обстоятельно изучает, — это миграция африканского населения. Висящая в библиотеке карта очень наглядно показывает, как и куда вынуждено бежать население страны, ограбленное колонизаторами. Из трех с половиной миллионов жителей Верхней Вольты 460 тысяч человек ежегодно отправляются в соседние страны на заработки. И только 25 тысяч находят себе работу по найму на родине. Ведутся в филиале работы по изучению экономики и этнографии. Занимается он и унификацией языка на основе наречий населяющих республику племен. Выпущен первый том словаря.

Среди сотрудников Института Черной Африки нашлись энтузиасты создания этнографического музея. Мы видели собранные ими в вольтинских деревнях, но не приведенные еще в систему, экспонаты. Среди них были боги, вырезанные из дерева, маски для бытовых и религиозных обрядов, музыкальные инструменты, состоящие из деревянных труб, барабанов; оружие — луки, стрелы, копья, — всё это отражает не только далекую древность здешних многочисленных племен, но имеет близкое отношение и к современному быту африканской деревни.

Рано утром мы были разбужены пением петухов. Вероятно, ни в одной столице мира нет такого количества петухов, как в Уагадугу.

Накануне при встрече с молодежью мы раздавали в качестве сувениров открытки с видами Москвы и Ленинграда и с изображением космонавта Юрия Гагарина. Некоторые из безработных неграмотных жителей вообразили, что Гагарин является крупным военным работодателем, а мы его подрядчиками по найму рабочей силы. Поэтому утром у входа в гостиницу, где мы провели ночь, стояла толпа молодежи, встретившая нас возгласами. Показывая старые контракты, заключенные с их бывшими хозяевами, многие из ожидавших просили принять их на любую работу в распоряжение... Юрия Гагарина. Пришлось разъяснить, что мы всего-навсего туристы, а не вербовщики. Но, узнав, что мы из далекой России, парни не расходились, интересуясь этой неведомой для них страной.

В беседе с ними выяснилось, что о современной Советской России они знают только по кинофильму «Илья Муромец» да по географическим картам, на которых Советский Союз обозначен в центре церковью Василия Блаженного, север — белыми медведями, а с востока по всей Сибири скачет тройка лошадей, запряженных в раскрашенные сани. Подобные «карты» французского и американского производства вывешены в аэропортах и других общественных заведениях.

До поездки в Нигер, Верхнюю Вольту, Того, Дагомею мы обстоятельно познакомились с литературой, отражающей истинное положение в Западной Африке в прошлом и настоящем.

В свое время Карл Маркс отмечал, что Африка европейскими и американскими захватчиками была превращена в «заповедное поле охоты на чернокожих». А известный писатель-историк Уильям Дюбуа, автор

книги «Африка», подсчитал, что число пострадавших от работорговли африканцев составляет примерно сто миллионов человек, включая убитых и погибших в пути через океан. Таков итог более чем двухсотлетней «цивилизаторской» деятельности колонизаторов.

В наше время нет узаконенной работорговли, нет охоты за чернокожими, но то, что творили до недавнего времени французские колонизаторы в Алжире, что продолжают творить португальские и английские захватчики в Анголе, Кении, Родезии и других странах Африки, не менее чудовищно. В верхней Вольте, Дагомее, Габоне мы могли воочию убедиться в том, до какого крайнего обнищания доведены колонизаторами здешние племена и народы.

Республики существуют как самостоятельные государства всего год-два, а на ключевых экономических позициях по-прежнему сидят колонизаторы и не намереваются уходить. Они пускаются на всякие хитрости,

придумывают новые, более изощренные формы колониализма, чтобы только сохранить здесь свое господство и не допустить уменьшения прибылей. Грабеж продолжается только в иной форме. Чтобы окончательно покончить с колониализмом, народам Западной Африки предстоит еще упорная борьба за полную самостоятельность своего дальнейшего развития.

Конечно, завоевание государственной самостоятельности не исключает экономических связей с капиталистическими странами, в том числе с бывшими метрополиями, но на своей земле народы Африки всюду должны стать и неизбежно станут полноправными хозяевами. Своими природными ресурсами они распоряжаются так, как подскажет им здравый смысл, интересы культурного развития и благосостояния народа.

Из Уагадугу мы выехали в один из сельских округов Верхней Вольты.

Позади остался «столичный» базар. В отличие от шумных, крикливых и богатейших арабских рынков Каира и Дамаска здесь тихо, спокойно, хотя и очень многолюдно, и, кстати сказать, до крайности бедно. Торгуют всякой мелочью и слоняются от безделья тысячи людей.

Товары первой необходимости — мыло, сигареты, ткани — доставлены из Франции. Для французских колонизаторов эта страна прежде всего — рынок сбыта.

Главное богатство республики — люди, рабочая сила, которой здесь огромный избыток. Сколько свободных рук, ищущих работы — средства к существованию!.. Не случайно филиал Института Черной Африки в Уагадугу занят изучением утечки рабочей силы из Верхней Вольты.

В справочнике «Африка 1956—1961», изданном Институтом Африки при Академии наук СССР, говорится, что даже после провозглашения независимости моро-набо (император) в угоду французским империалистам позволял вербовать жителей Верхней Вольты во французскую армию для службы в Алжире, где французские колонизаторы вели войну против народа, боровшегося за свою независимость...

Показались пакгаузы и узкая линия железной дороги на Абиджан, к Берегу Слоновой Кости. Полуголые, лоснящиеся от пота чернокожие грузчики наполняли вагоны мешками с арахисом, просом и кукурузой.

Над городом медленно поднималось палящее знойное солнце. В небе — ни облачка. Коршуны кружились над окраиной города, где паслись большие стада домашней птицы. Изредка шум пропеллеров и воющий гул реактивных моторов извещал о прибытии в Уагадугу транзитных самолетов, курсирующих между Парижем и странами Западной Африки.

Столица Верхней Вольты осталась позади. Перед нами расстилалась укатанная дорога, ведущая в глубь республики.

Время от времени мы останавливались, фотографировали представителей разноплеменного населения республики, которые весьма охотно нам позировали. В Верхней Вольте насчитывается свыше пятидесяти племен, каждое из которых говорит на своем наречии.

Природа здесь скудная. Высокую траву и мелкий

кустарник крестьяне выжигают, готовя землю к посеву. На выжженных местах возвышаются только голые, без листьев, могучие баобабы. Плоды этих деревьев и листья — любимое лакомство обезьян. Иногда в тени такого исполина ютится до пятидесяти деревенских торговых.

Одежда мужчин — трусики, у женщин — ситцевые набедренные повязки, удобные для ношения малых детей. Бывает так, что перегруженная мамаша двух младенцев несет в повязке, третьего ведет за руку, да еще на голове в алюминиевом тазу груды фруктов и овощей. Как видно, нелегкая жизнь у женщин на здешней земле.

Дети выносливы, здоровы, не капризны. Мы видели очень много детей и среди них ни разу не встречали плачущих. Все они коротко подстрижены. Волосы растут густыми пучками, вырастая, они завиваются. У некоторых на макушках оставлены от трех до десяти длинных завитушек: таково требование местной моды. Игрушки детям заменяют связки амулетов: маленькие фигурки боженят, вырезанные из черного дерева, клювы каких-то птиц и хвостики мелких зверей. Предполагается, что эти предметы охраняют ребенка от злых духов. Посторонним прикасаться к амулетам не позволяется, иначе, по мнению заботливых матерей, они теряют свою силу.

Не доезжая до большого окружного селения Комбисире, мы свернули в придорожную деревушку, населенную представителями самого распространенного в Верхней Вольте племени моси, являющегося опорой императора моро-набо.

Моси в стране насчитывается полтора миллиона.

Они разделяются на родовые племена и своеобразные воинские части, возглавляемые вождями-старейшинами, которые подчиняются вождю вождей моро-набо.

Жилища их представляют собой круглые земляные сооружения высотой в человеческий рост. Крыша, сплетенная из пальмовых ветвей, напоминает соломенную шляпу.

Наш приезд был неожиданным. Гида не было, поэтому при разговоре с туземцами мы обходились своими силами. Вождь деревни вышел не сразу. Возможно, для встречи с иноземцами он захотел парадно приодеться. Пришлось подождать. Вышел он босой, но зато в чистой белой рубашке с черной «бабочкой» под горлом. Сверху был накинут серый халат нараспашку. В руках вождя железный посох — символ его власти над соплеменниками.

Постепенно стали собираться односельчане — крепкие здоровяки. Некоторые из них — голые — теснились позади, те же, что были в полотняных и ситцевых халатах, держались с достоинством около вождя, представляя, видимо, его свиту. Женщин на встрече не было. Мы видели их потом, возвращающимися из леса с корзинами, наполненными плодами, на головах. Мы выразили всем свое почтение и пожелали знатному роду-племени мирного и счастливого жития. Вручили свои скромные сувениры — открытки с видами Москвы и Ленинграда.

Бедно и убого выглядела эта деревня с невзрачными хижинами-шалашами. Черное пепелище с обгорелыми стеблями и листьями засохшей травы придавало местности печальный вид. Казалось, что здесь только что произошло какое-то бедствие или сражение.

Хижины жителей Верхней Волты

Редкие плодовые деревья чуть оживляли эту безотрадную картину.

На пути в Комбисири мы видели большие стада крупного и мелкого скота. В Верхней Вольте, не имеющей промышленности, основным занятием населения является земледелие и животноводство. Благоприятные условия климата избавляют крестьян Африки от забот о заготовке кормов. Стада круглый год пасутся на подножном. Развитию скотоводства в здешних местах благоприятствует еще одно обстоятельство, — на территории Верхней Вольты не водится ядовитая муха цеце. В Габоне же, например, животноводство из-за нее невозможно.

Скот — основное богатство страны и предмет торговли. Ежегодно в соседнюю Гану сбывается свыше двухсот тысяч голов крупного и мелкого скота.

Еще несколько минут езды по пыльному шоссе, и мы в большом селении Комбисири. Те же земляные, серые хижины, только в центре општукатуренное здание хозяйственного и административного управления, похожее на наше сельпо. Управитель округа Зириим Киборе — средних лет, довольно интеллигентного вида. Узнав, что приехали европейские туристы, он вышел из своего рабочего кабинета на улицу. Поздоровались, отрекомендовались. Услышав французскую речь, управитель, видимо, принял нас за французов.

Кабинет Зириима Киборе обставлен просто: письменный стол, заваленный бумагами и деловыми папками, а на стене портрет президента республики Мориса Ямеого. В соседней комнате, где дежурит полицейский,

вооруженный пистолетом, еще красуется изображение генерала де Голля, увешанного орденами, с красной лентой через плечо. Между прочим, цветная его фотография является непременной принадлежностью любого учреждения столицы. И это лишний раз убеждает в зависимости республики от французских колонизаторов, хотя из окна виден колеблемый легким ветерком трехцветный национальный флаг республики, символизирующий три реки — Черную, Белую и Красную Вольту.

Беседа с управителем продолжалась более часа. Зириим Киборе оказался человеком словоохотливым и весьма прогрессивно настроенным. Он рассказал, что подвластные ему владения занимают три тысячи квадратных километров. В округе существуют крестьянские семейно-родовые не очень крупные кооперативные общины, которые выращивают рис, арахис, хлопок, горох, фасоль и особенно быстро вызревающую кукурузу.

— Что нового в вашей полезной деятельности произошло после приобретения республиканской самостоятельности? — спросили управляющего.

— В первую очередь, я борюсь за внедрение новых прогрессивных способов обработки земли. Мы уже получили заказ от крестьян на приобретение семидесяти плугов. Они говорят: «Довольно нам мотыгой взрыхлять землю, дайте нам плуги, мы заставим ослов работать». Ослы, конечно, есть. Но они выводятся, не выдерживая конкуренции с велосипедом, который быстрее и не нуждается в пастбище, присмотре... Еще я, Зириим Киборе, стремлюсь к освобождению наших женщин от излишних тягот в семье и в поле. У наших

мужчин много свободного времени, располагающего их к замедленным темпам личной и общественной жизни. А женщины-негритянки, к стыду мужчин, несут на своих плечах непосильное бремя. Особенно многодетные. Вы без моих слов, конечно, понимаете, что наш народ очень нуждается в грамотности... Очень нуждается... Будем строить школы.

Высказав это, Зириим Киборе, поникнув, замолчал. Быть может, он хотел сказать о вековой бедности своего народа, но стоит ли о ней говорить, она и так очевидна.

Мы поблагодарили нашего гостеприимного хозяина за беседу, каждый из нас подарил ему открытки, альбомы, брошюры на французском языке о достижениях советской науки. До сих пор Зириим не догадывался, кто мы, и только получив из моих рук значок с изображением Ленина, видимо, понял и прошептал:

— Ленин?..

Управитель округа Комбисира —
Зириим Киборе

А увидев московский Кремль в раскрытом альбоме, сказал уже громче:

— Вы русские?!. — На его лице отразилось нескрываемое удивление. Застыв от неожиданности, он с минуту стоял, не шелохнувшись.

— Вы русские... — повторил Зирим взволнованно. —

Молодежь знакомится с условиями приема в Университет дружбы народов

Первый раз вижу. Никогда не были у нас русские. Никто...

Рассматривая виды Москвы, управитель с правильным ударением произносил слова:

— Кремль... Университет... Музеум Ленин...

— В Москве есть Университет дружбы народов, там учатся арабы, африканцы. Университету присвоено имя Патриса Лумумбы, — сказали ему.

— Лумумбы? Патриса? — опять шепотом, дрогнувшими губами произнес удивленно Зирим, и по его черным щекам скатились прозрачные, как у младенца, слезинки...

Так вот с кем ему довелось сегодня встретиться, кому он рассказывал о первых шагах своего народа на пути к полной независимости. Как еще далека цель и труден этот путь!..

Между тем перед управлением скопилась толпа посетителей. Никто из них не вошел в кабинет во время беседы. Пришедшие люди, узнав, что мы русские, их друзья из страны Советов, вместе со своим управляющим долго и приветливо махали руками на прощанье...

Возвращались в Уагадугу по пыльной утомительной дороге. Воздух был раскален, солнце, падающее в зените, ослепляло своим блеском. Навстречу нам то и дело попадались едущие на велосипедах мужчины, везущие мелкие покупки. Женщины с неприкрытыми грудями шли пешком, неся на головах корзины и глиняные посудины с остатками непроданных продуктов. С трудом передвигались изнуренные старцы. На их лицах глубокие следы надрезов — свидетельство принадлежности к определенным родовым племенам...

Не заезжая в гостиницу, мы направились на окраину города к императорскому дворцу. Моро-набо не принял нас в своих покоях. После десяти часов утра он сразу отправился в загородный сад и предупредил охрану, что может принять советских туристов там.

В сопровождении мотоциклиста едем на прием. Плодовый сад моро-набо довольно обширен. Вместо забора изгородь из колючих кустов. Несколько негров с длинными ножами трудятся на очистке сада.

Император находился в курятнике. Нам пришлось подождать. Наконец моро-набо показался на тропинке. Он шествовал медленно и важно. Идем навстречу. Рукопожатия. Слова приветия. Внимательно разглядываю «его величество». На вид ему лет под шестьдесят, сложения могучего, такому впору в качестве циркового борца выступать. Одет владыка народа моти в шелковый с голубыми вышивками, несколько затасканный халат. На голове — знак императорского достоинства — отделанная золотом красного бархата шапочка с широким верхом. Судя по фотографиям, которые мы видели в редакции местного бюллетеня, этот головной убор фигурирует на всех парадных приемах. Круглые лоснящиеся щеки испещрены шрамами, расположенными лесенками, состоящими из двенадцати тонких надрезов-ступенек. Широкий лоб украшен зигзагообразной змейкой. Хотелось спросить, что символизируют эти знаки, но посчитал неудобным. У всех наготове фотоаппараты. Попросили разрешения заснять императора, он не разрешил.

— Не могу позволить. Я не в парадной форме. Я люблю свой сад, тружусь. Я не при исполнении государственных обязанностей. Я могу вам показать сад.

Вот он, смотрите... Я смогу вам показать свой огород... — и моро-набо провел нас на небольшую поляну, тщательно взрыхленную мотыгами. На грядках росла кукуруза, свертывалась в кочаны капуста и цвела клубника.

Мы вежливо похвалили огород и сад.

Обыкновенным туристам, не облеченным полномочиями, естественно, трудно вести беседу с наследным «владыкой» Верхней Вольты. К тому же наши познания о нем были весьма скудными и ограничивались сведениями, почерпнутыми из двух географических брошюр, в одной из которых скупо сказано: «Во главе государства моси стоит император моро-набо, — марионетка французских властей...». а в другой, только что вышедший в свет — «Африка 1956—1961», — дается лаконичный обзор «деятельности» моро-набо.

После референдума, проведенного в 1958 году среди населения Верхней Вольты, она была объявлена республикой. Однако положение мало изменилось. Колонизаторы, опирающиеся на крупных феодалов и прежде всего на моро-набо, по-прежнему продолжали хозяйничать. По существу, полученная самостоятельность носила довольно условный характер. Для характеристики этого утверждения нелишне будет сослаться на следующий эпизод, происшедший в том же 1958 году.

Собрав 50 тысяч покорных ему сторонников, при поддержке французской армии и полиции, моро-набо напал на парламент и арестовал всех неугодных ему министров. Только в 1960 г. Верхняя Вольта добилась независимости.

Один из туристов обратился к моро-набо:

— Ваше величество, нам бы хотелось задать несколько вопросов и получить ваши ответы.

— Смотря какие вопросы,— усмехнувшись и взглянув на спрашивающего, проговорил моро-набо.

Турист спросил, какими принципами руководствуется его величество в жизненных вопросах управления страной, как относится к миролюбивой политике народов...

Степенно и вдумчиво, почти не раскрывая рта, чуть заметно шевеля губами, повелитель народа моси словно бы чревоуещал:

— В нашей политике основное—мораль, традиция, цивилизация...

Ответ императора был расплывчат и уклончив, его можно было толковать по-разному. Чья мораль имеется в виду—его величества или простого смертного негра?.. Что подразумевается под термином «традиция», если не покорность подданных традиционному, наследному владыке? Наконец, как понимать «цивилизацию»? Известно, что колонизаторы, оправдывая свою грабительскую деятельность в отсталых странах, называют себя носителями цивилизации, не указывая только, во что обходится она угнетенным, обездоленным народам.

От рассуждений по поводу религиозной морали наш собеседник уклонился. Дело в том, что в стране оруду-

ют миссионеры католической, протестантской церкви, ислама, соперничая друг с другом. Все они проповедают вполне подходящую императору мораль: «покоряйтесь захватчикам, будьте послушны, как агнцы, идите на алтарь под нож империалистов и не мешайте им строить военные базы на земле вашей...» Будучи наследным принцем, моро-набо в молодости получил образование в мере, достаточной для управления своими неграмотными соплеменниками и удовлетворяющей его французских покровителей.

В конце беседы высокий хозяин, выдерживая строго официальный тон, пожелал мира на земле и контактов в отношениях между народами и государствами.

И еще, тяжело вздохнув и покачав головой, сказал:

— Далеко, далеко Россия. Декабрь. Вся ваша страна покрыта глубоким снегом. А у нас? — Он, улыбаясь, устремил вопросительный, прищуренный взгляд в чистое, голубое, чарующее небо. Солнечные лучи падали отвесно, играя филигранью золота на его императорской шапке-короне.

Мы поднесли моро-набо роскошный альбом «Советская Родина» и, показав иллюстрации Узбекистана и других наших братских республик, пояснили:

— Россия велика. У нас есть снег, но у нас есть и южные республики. Смотрите, какая богатая природа и какие там прекрасные города. Самая сильная и самая мирная страна на земле это — Советский Союз...

Прием закончился, мы попрощались с моро-набо. В душе мы желали свободолюбивому народу Верхней Вольты, как и другим африканским народам, поскорее освободиться от остатков колониализма и стать полноправными хозяевами своей страны.

ЕСТЬ ТАКАЯ СТРАНА-ДАГОМЕЯ

Здесьний декабрь похож на наш крымский июль, с той лишь разницей, что на побережье Гвинейского залива влажность значительно выше, чем в Крыму. Дышится тяжело даже в тени, поэтому мы выехали пораньше, пока держалась утренняя прохлада.

По сторонам шоссе на десятки километров тянутся великолепные рощи кокосовых и масличных пальм. Слева они плотной стеной уходят далеко вглубь и там смыкаются с тропическими джунглями; справа на песчаных отмелях залива их кто-то будто расставил, строго соблюдая дистанцию, — три-четыре метра одна от другой, так, что кроны не соприкасаются. Крупные, достигающие восьми килограммов веса, орехи гнездятся вокруг рубцеватых стволов под разлапистыми ветвями. Ветер согнул стволы прибрежных пальм. По наклоненным стволам туземцам удобно лазать за орехами, которые они ловко срезают кривым ножом. Нам удалось наблюдать это, так как подошло уже время сбора урожая. Хорош он или нет, судить мы не могли, но орехов было много — попадались пальмы, на которых

насчитывалось до пятидесяти орехов разных размеров и спелости.

Для жителей Западной Африки кокосовая пальма — кормилица, для колонизаторов — сырье, полуфабрикат, продукт обогащения.¹

Бесконечная прибрежная полоса, заросшая пальмами, — таков однообразный и вместе с тем восхитительный пейзаж Ганы, Того и Дагомеи. Мы любовались им сверху, пролетая над здешними местами, а сейчас рассматриваем вблизи, проезжая из Ломе в дагомейский город Котону.

Нам часто попадаются деревни, расположенные в пальмовых рощах, а иногда и стоящие отдельно рыбацкие лачуги. Эти бедные и убогие жилища африканцев, как птичьи гнезда, вылеплены из земли, смешанной с тростником. Конусообразные крыши из пальмовых ветвей держатся на бамбуковых сплетениях. Внутри хижин темно и пусто. Таково наследство, которое оставили местным жителям французские колонизаторы, в течение десятилетий грабившие страну.

Порой шоссе проходит возле самого берега, и тогда мы отчетливо видим вереницы голых мускулистых рыбаков — тружеников Гвинейского залива. Они вытягивают за длинные бечевы сеть, далеко закинутую в море. Под пальмами около шалашей женщины и под-

---

¹ Кокосовые пальмы на побережье Гвинейского залива достигают 30 метров высоты. Кокосовые орехи содержат в себе питательные зародыши до двух сантиметров толщиной, а также жидкость — кокосовое молоко, пригодное для употребления в свежем и сброженном виде. Из зародыша (копра) производят кокосовое масло; из волокна кокосового ореха изготавливаются веревки, щетки и другие изделия.

ростки ждут рыбаков с уловом. Их обязанность — сортировать и чистить рыбу.

Путь преграждает шлагбаум. Пограничная застава. Контрольные пункты со стороны Того и Дагомеи. Граница здесь понятие очень условное. Проверка паспортов проводится только на основных автотранспортных путях. Для местных жителей переход из одного государства в другое трудности не представляет.

В ожидании рыбаков с уловом

Проверка проходит без спешки, тщательно и деловито отбирают анкетные данные, ставят штампы на страничках паспортов. Используем свободное время для обозрения границы, проходящей между двумя селениями, утонувшими в гуще пальм. Лениво прохаживаются несущие охрану солдаты, вооруженные старыми пистолетами и автоматами. Их обмундирование состоит из трусиков и натальной рубахи.

Увертливые хамелеоны беспрепятственно пересекают границу. Откормленные индюки и поросята держатся в стороне. Я заинтересовался гориллой, которую пограничники, видимо, ради забавы привязали на цепь. Иногда, звеня цепью, она быстро забиралась на вершину пальмы, к самой кроне, где прижались к стволу крупные и тяжелые кокосовые орехи.

Я подумал: а что, если у пленницы вдруг появится желание сорвать орешек в полпуда весом и швырнуть кому-нибудь в голову...

Увлечшись наблюдением за гориллой, я совершенно забыл, что нахожусь в пограничной зоне, где полагается быть «застегнутым на все пуговицы». Между тем начальник контрольного пункта уже раздавал паспорта. Показав изданную на французском языке книгу о поездке Н. С. Хрущева в Америку, он спросил старшего нашей группы, нет ли у нас подобной литературы. Не поняв в чем дело и подумав, что ему очень нужна литература о Советском Союзе, я, движимый лучшими побуждениями, достал из сумки отлично иллюстрированный французский перевод книги «К звездам» — о завоевании советской наукой космоса, о полетах Гагарина и Титова и вручил ее пограничнику. Тот принял, улыбнулся и сказал: «Мерси». Оба мы не

поняли друг друга и оба остались довольны. Один из наших товарищей сделал мне замечание:

— Что вы наделали? Разве можно среди пограничников распространять такие сувениры?..

— Я сделал это от простоты душевной и от непонимания французского языка...

Немного успокоившись, товарищ растолковал:

— Пограничник сказал вам «мерси» за то, что вы оказались послушны и добровольно сдали ему книгу.

— Пусть как угодно считает, но он ее прочтет и другим расскажет о том, что узнает из этой книги...

Мы продолжали путь. Бесконечные пальмовые рощи изредка перемежались лагунами, расположенными по побережью залива, с островами, поросшими тростником. Множество туземцев на утлых долбленых лодочках ловили рыбу.

Три встретившихся по пути небольших города — Гранд По-по, Уидаг и Абомея — проехали не останавливаясь, так как это не входило в программу нашего обозрения. Да и водители авто от компании «Эр Франс», видимо, не были заинтересованы в остановках. А между тем история этих городов заполнена яркими страницами, разоблачающими беззастенчивую грабительскую политику французских захватчиков. В течение последнего столетия огнем и мечом, обманом и хитростью захватили колонизаторы значительную часть древнего царства Дагомея.

Жители дагомейских лагун, загнанные в неприступные и неудобные места, и сейчас еще страдают от тяжелых последствий колонизации.

В Абомее сохранилась крепость, на стенах которой стоят чугунные пушки. подобные тем, что применя-

лись у нас в осаде и обороне еще в допетровские времена.

В ноябре 1892 года крупные военные силы французских грабителей осадили город. Вооруженные пиками и саблями дагомейские воины, среди которых сражались и лихие амазонки,¹ не смогли долго сопротивляться захватчикам, военная техника французов была более современной. Мало помогла и устаревшая артиллерия. Оставшиеся после разгрома туземцы бежали в джунгли, скрывались в лагунах.

Не менее драматична история другого города — Котону, расположенного в устье реки, впадающей в Гвинейский залив. Он привлекал захватчиков

---

¹ В прошлом веке в Дагомее военную службу кроме мужчин несли женщины-амазонки. Особый отряд бесстрашных амазонок, отказавшихся от брака, охранял короля.

удобным расположением как порт для погрузки сырья на морские суда.

Еще в 1868 году под предлогом ограждения Дагомеи от нападения англичан французские колонизаторы навязали управителям Дагомеи кабальный договор и захватили Котону без боя. А когда, поняв обман, дагомейцы стали сопротивляться и вытеснять захватчиков, французский военный флот обстрелял кварталы мирных жителей Котону.

Ныне Котону — комфортабельный, европейского типа город. Представители французского капитала превратили его в свой торговый центр. Здесь больше, чем где-либо, всяческого рода коммерсантов, миссионеров и дельцов, специалистов по обработке хлопка, леса, кокосового ореха, консультантов по выкачиванию богатств страны.

Коренные жители по-прежнему являются только рабочей силой, в лучшем, крайне редком случае — мелкими чиновниками. Командуют же и хозяйничают прежние колонизаторы. Страна доведена до крайней степени нищеты. Собранные туземцами продукты, которые дает пальма, вывозятся французами за пределы Дагомеи для обработки. Только очень незначительная часть их остается для местного населения.

Мы пересекли Дагомею с севера на юг, затем свернули к тихой заводи — протоке. Заросшая камышом на мелководных местах, она соединяла лагуну с заливом Атлантического океана.

На берегу под тенью пальм женщины чистили рыбу, а вдалеке, в лагуне, виднелись рыбацкие лодки. Как только наш автобус подъехал к становищу, десятки ребят кинулись навстречу с криками: «Кадо! Ка-

до!», требуя от нас какой-нибудь подачки. Помню, в ОАР нас так же осаждали арабы, выпрашивая «бакшиш»... Конечно, юным африканцам розданы были красочные открытки Москвы, из-за которых наиболее вспыльчивые, не поделив поровну, устроили даже потасовку, так что взрослым пришлось их разнимать. Приятно вспомнить теперь, что в хижинах рыбаков далекой Дагомеи изображения Москвы и Ленинграда напоминают о Советской стране, о первых туристах из СССР.

Часа через два после приезда мы продолжали путешествие уже по воде. Небольшой легкий катер быстро преодолел узкую протоку и вышел на простор лагуны. Мы проезжали мимо множества лодок с рыбаками, забрасывающими сети или поднимающими со дна лагуны плетенные из тростника и бамбука орудия лова, похожие на корзины или на клетки для больших птиц. Рыба здесь водится в изобилии и для многих прибрежных жителей является основным продуктом питания.

Два французских шофера — гиды компании «Эр Франс», сопровождавшие нас, с профессиональным умением знакомили с объектом предстоящего обозрения:

— Мы покажем вам поистине заповедный уголок Африки, какого вы еще не видели и едва ли увидите. Это деревня на сваях — Ганвья. Она населена отсталым племенем, состоящим из нескольких тысяч человек. За сотни лет их нравы, обычаи и характер не изменились. Правда, и в других селениях мало нового, но это всё же особенное. Французы не вмешивались в уклад жизни туземцев, и они, как птицы, довольны тем, что имеют, и большего не хотят... Переселяться в другие места из лагуны не хотят, рыба есть, а чего им еще нужно?..

— Так ли это, господа?

— Увидите, убедитесь...

Кто-то тихонько спросил проводников, чтобы моторист-африканец не расслышал вопроса:

— А людоедство?..

На рыбной ловле

Один из них молча покачал головой, другой, пожав плечами, ответил:

— Как вам сказать... Франция, владевшая Дагомеей по договору, боролась против этого пережитка и наказанием и убеждением с помощью миссионеров. Принято считать, что с людоедством покончено.

После этих слов моторист покосился в сторону француза, нахмурился, но ничего не сказал, а лишь сердито сплюнул за борт. Я предложил ему сигарету, он вежливо поблагодарил по-французски. С помощью товарищей, знавших язык, я завязал с ним беседу. Он не принадлежал к племени, населяющему Ганвью, жил в другой деревне, на суше, недалеко от берега. Мой новый знакомый знал немного французский язык и владел многими местными наречиями.

Накопец заросли тростника кончились, и нашим взорам открылось обширное, уходящее к горизонту поселение, ради знакомства с которым мы проделали эту поездку. Что же представляет собой эта загадочная деревня Ганвья, которую наши проводники преподнесли как заманчивый экзотический заповедник? На какой ступени развития находятся здешние люди, этнически относящиеся к народности фон?

Разрезая мутную поверхность лагуны и оставляя за собой пенистые усы, катер уверенно проносится по одной улице селенья, разворачивается, заходит на другую, на третью и приближается к центру.

Необычность Ганвьи состоит в том, что вся она от первой до последней хижины стоит на высоких сваях. Пешему здесь нет ходу. Сообщение поддерживается на выдолбленных из черного дерева лодках, в которых полуголые и голые жители перебираются по улицам.

Некоторые переходят от хижины к хижине вброд, переправляются вплавь или верхом на бревне или по бамбуковым жердям, перекинутым в узких переулках. Жилища построены из жердей, поэтому стены просвечиваются и продуваются насквозь. Снаружи видно, что делается внутри. Сочувствие вызывает вид многочисленных голых, пузатых, изможденных ребятишек.

Кто-то из туристов, выражая общее впечатление, сказал:

— Потрясающая «Венеция»!

— Обвинение против работорговцев и колонизаторов, — добавил другой.

Француз в коричневой тужурке с засученными рукавами, обнажая в улыбке красивые зубы, заметил на это:

— Заповедник. Интересный объект туризма... Здесь всё в нетронутом состоянии, как тысячелетия назад.

— Хорош заповедник. Двенадцать тысяч дагомейцев живут в ужасных условиях.

— Какова же культура, ну хотя бы грамотность здешних людей? — спросили у моториста, не доверяя провожатым из «Эр Франс».

Он показал рукой на островок, где можно было разглядеть небольшое выбеленное здание, отличавшееся своим видом от свайных построек:

— Дагомея теперь республика. Построили небольшую школу. Будут учить грамоте.

— Будут? Разве раньше не было школы?

Моторист помедлил. Чувствовалось, что он подбирает слова на чужом ему французском языке. Наконец ответил:

Деревня Ганвья

— Мало грамотных, кто есть, учились как умели. Расписаться могут — хорошо. Не могут — не надо!..

Катер пришвартовался к каменной стенке. По кри-вой и шаткой лестнице взбираемся на нее, заполненную десятками голых малышей. Внизу в грязной воде барахтаются ребяташки постарше.

Заходим в какую-то просторную, прокопченную хи-жину. Ни окон, ни дверей. Потолок состоит из засох-ших пальмовых ветвей, крыша поддерживается ча-стыми сваями. Хотя в хижине живет большая семья, в ней, кроме двух-трех котлов и самодельных посуды, никакой утвари нет.

На нас смотрят с удивлением. Но с не меньшим удивлением и даже с некоторой робкой растерянностьюзираем и мы на то, что видим, пробираясь лабирин-том стенок, свай, очагов с чуть теплящимися огонька-ми. Всюду стойкий и резкий запах чего-то горелого, жженого, печеного и вареного. Под настилом булькает мутная вода. Молчаливые и удрученные проходим на-сквозь несколько хижин, соединенных проходами. В каждой — многолюдные семьи, и хоть бы где-нибудь попались на глаза книжка или клочок газеты! В ка-кой век мы попали?

Останавливаемся, чтобы перевести дух и поглядеть на общую панораму деревни. На углу одной из улиц внимание привлекла хижина, больше других размером. С подветренной стороны она «обшита» фанерными ли-стами, на которых нарисованы яркие квадраты, так что получается что-то похожее на карусель. Хозяин проявил некоторый вкус к художественному украше-нию своего жилья. Тут же, под настилом хижины, между сваями, по грудь в воде, бродили взрослые пар-

ни со связками свежей рыбы. Свою добычу они предлагали менять на что угодно.

Нас провели на какую-то грязную отмель, обнаженную во время отлива. Навстречу вышел семидесятилетний правитель Ганьи — Досухохо. Его отрывистые фразы с местного наречия кое-как переводил на французский моторист катера. Вся беседа свелась к взаимным добрым пожеланиям. Вождь и окружавшие его туземцы получили от нас иллюстрированные альбомы, значки, хотя обнаженным туземцам их некуда было прикалывать. Альбомы они еще могут по листкам поделить на добрую память о людях, прилетевших к ним из Советского Союза. В честь первого появления в Ганье советских туристов был произведен салют из древней чугунной, с дула заряжающейся пушки.

После пятого выстрела церемония окончилась. Во главе целой процессии, состав которой моментально увеличивался, Досухохо провожает нас под навесами убогих лачуг. Под громкие прощальные возгласы провожавших мы отплываем.

Долго молчим, потрясенные и нереполненные увиденным. Кинорежиссер Александр Роу, создавший немало фильмов-сказок, был необычайно взволнован.

— Никогда не думал, что на свете может быть такое, не могу представить себя живущим в таких нечеловеческих условиях. Вообразите только, каково здесь в темную, дождливую, ветреную ночь? А вы заметили, какие печально-задумчивые глаза у здешних жителей? Страшно и невесело!.. И это всего в восемнадцати километрах от благоустроенного и вполне современного

города Котону, где и сейчас хозяйничают колонизаторы. Какие крайности! Какой потрясающий контраст!..

Катер, лавируя по улицам, выходил на простор лагуны. Все облегченно вздохнули и поторопились сде-

Юные жители Гамбии

дать последние снимки Ганьи с дальнего расстояния. Замедлив ход, моторист сказал встретившимся рыбакам, что он везет друзей Африки — русских туристов. Поднявшись, туземцы начали кричать: «Москау! Вив русс!» Они так бурно приветствовали, что опрокинули лодку. Но рыбаку вода не страшна, да и место оказалось не очень глубоким. Выправив свою посудину, трое сели вповз, а двое всё еще стояли по шею в воде и махали руками, продолжая кричать: «Вив русс, Москау!..» Вброд они направились вдоль протоки к берегу. Над их неудачей задорно смеялся один рыбак. Он стоял, выпрямившись на носу своей лодчонки, и выматывал небольшую сетку с золотистой рыбешкой. Красиво сложенной, статной, мускулистой фигурой рыбак привлек наше внимание.

— Сам Роден не отказался бы от такой природы! — восхищенно сказал один из товарищей.

Встречаясь с туземцами, наблюдая их трудолюбие, доверчивое, чистосердечное и доброжелательное отношение к нам, мы проникались всё большей симпатией и уважением к этим людям, которые сохраняют бодрость и присутствие духа, живя в столь тяжелых условиях, будучи лишены самого элементарного, без чего трудно представить себе человеческое существование.

Каждому советскому человеку понятны чувства солидарности с людьми труда. Поэтому каждый поймет, почему закипала в нас жгучая ненависть к колонизаторам, которые на сотни лет задержали развитие африканских народов и поставили их в тяжелые условия рабского существования, обрекая на вымирание. Иногда при встречах с туземцами так хотелось высказать им

всё это, излить душу, но приходилось ограничиваться языком жестов и мимики.

В дни поездки по Западной Африке не раз приходили мне на память проникновенные строки замечательной поэмы Бориса Корнилова «Моя Африка», в которой говорилось о негре — красном командире, сложившем свою голову в снежных просторах России, в борьбе за Советскую власть.

...Он был черен,
с опухшими губами,
он с Африки — убитый нановал,
но как и мы,
донские и с Кубани.
он за Россию нашу воевал,
но за награды
и не за медали —
за то, чтоб африканским буржуям,
капиталистам африканским дали,
как и у нас в России, по шейм.
Он с нами шел --
на белом
на буланом,
погиб за нас
от огнестрельных рап...
Его крестили в Африке Виланом,
что правильно по-русскому — Ивап...

Очевидно, герой этой поэмы вымышленное лицо, но известно, что в рядах Красной Армии сражались представители самых разных национальностей так же, как позднее в интернациональных бригадах республикан-

ской Испании воевали против франкистов революционеры из многих стран.

Жаль, что поэму Бориса Корнилова не перевели еще на языки народов Африки.

— Да и я не знал этой поэмы, — признался один из наших туристов, когда я прочитал ее вслух.

Из Ганьи мы поехали в Котону. Осмотр города не отнял много времени. Архитектура подобных городов нам уже примелькалась. Обычно — в центре отели, рестораны, конторы, построенные колонизаторами и напоминающие площади европейских провинциальных городов. Ближе к окраинам — те же жалкие хижинки туземной бедноты, как и в деревнях. Мелководная, несудоходная река делит город на две части. Вдали на взморье видны корабли, пришедшие из Европы с залежавшимися товарами, за которые населению Западной Экваториальной Африки приходится расплачиваться арахисом, кофе и пальмовыми продуктами, скупленными за бесценок.

Рабочий класс здесь малочисленный. И это на руку захватчикам. Такое положение позволяет колонизаторам удерживать старые позиции в экономике. С немногочисленной туземной национальной буржуазией они всячески заигрывают, привлекая ее различными подачками и привилегиями. Конечно, ни о каком равенстве между колонизатором с Елисейских полей и чернокожим мелким буржуа из Порто-Ново, Котону или Абомеи и речи быть не может.

Наше путешествие по Дагомее было кратковременным. До обидного мало времени оставалось у нас для посещения именно тех мест, где противоречия сегодняшней африканской действительности выступают в

наиболее обнаженном виде. Так было и в Котону. До вылета в Габон мы располагали достаточным временем, чтобы более обстоятельно познакомиться с городом, но любезные в обращении с нами водители-французы поторопились отвезти нас в аэропорт за несколько часов до вылета.

В ожидании самолета на Камерун я бродил по территории аэропорта, наблюдая, как носильщики сгружали с самолетов, прибывших из Парижа, ящики с рождественскими посылками для посольских наблюдателей и советников, для служащих акционерных обществ. Обычная сутолока царила в порту. Одни пассажиры шумно направлялись в ресторан, другие оформляли документы, сдавали и получали багаж.

От нечего делать я стал разглядывать выставленные в одном из залов витрины с кустарными изделиями дагомейцев — бронзовые и деревянные фигурки, маски, трубки, ножи и, видимо, в качестве экзотических сувениров амулеты самой разнообразной формы. Подобные талисманы довелось видеть в Того и Верхней Вольте. Туземцы носят их на шее, на набедренных повязках и на цепочках, запрятанными в карман. Подумалось, что, пожалуй, они мало чем отличаются от брелоков, какие носили у нас «для счастья» на браслетах и при часах-луковицах.

Еще и теперь здесь считают, что амулеты предохраняют от всяких бед и болезней, предостерегают от нечистой силы, злых духов, способствуют в делах, помогают в торговле и даже в любви.

Мое внимание привлекла одна из многих ярких цветных фотографий, развешанных на большом стенде. Это были снимки той самой Ганвьи, где мы только что

сегодня побывали. Туристская фирма рекламирует ее как образец самой крайней отсталости и приглашает туда туристов, чтобы убедиться в том, среди каких племен и народов французским колонизаторам при-

Заготовка топлива

ходится насаждать «цивилизацию». Что собою представляет такая цивилизация, мы видели в природе.

Занятый этими мыслями, я невольно проговорил:

— Семьдесят лет грабят страну, да еще издевательски выставляют напоказ результаты своей «цивилизации»...

Повернувшись, увидел стоящего позади меня иностранца в пробковом шлеме.

Он в упор посмотрел на меня и вдруг неожиданно заговорил по-русски:

— Я не удивлюсь, если американцы «первыми» упадут на Луну или Венеру, но они обязательно встретят там русских исследователей и туристов... Не думал встретить русских в Дагомее. Путешествуете по Западной Африке, куда путь держите?

— Отсюда в Габон, — ответил я.

— Очень интересная страна.

— А вы кто и куда?..

— Я по роду — русский, по паспорту — француз. Из эмигрантов. Специалист по драгоценностям. Мой вояж — Северная Родезия, затем Мексика.

— Неплохо, но драгоценности не мой предмет.

— А что ваш предмет? — спросил меня этот транзитный вояжер, указав на витрину.

— Туристская любознательность. Больше видеть, больше знать.

— Любознательность — это хорошо, но бывают разные взгляды на вещи. Вы возмущаетесь, глядя на фотографии, смотрите на них с точки зрения социальной. Это не туристский взгляд. Туриста интересует экзотика, а вы упрекаете колонизаторов за то, что они вмешиваются в быт, нравы и обычаи туземцев и со-

храняют такие удивительные заповедные места. Вы были в Ганье?

— Да, только что оттуда. Впечатление незабываемое. Трудно представить себе условия жизни более кошмарные, чем в этом селении...

— В Африке ничему не приходится удивляться. Страна полна всяческих неожиданностей. Вот в этих краях мне ни разу не приходилось до того встречать советских людей, а встретил всё-таки. Вообще в Дагомее русские бывали, эмигранты, конечно, в том числе и мои знакомые, друзья по эмиграции. — Напрягая память, случайный собеседник стал припоминать фамилии россиян-эмигрантов и, припомнив, обрадованно щелкнул пальцами, сообщил мне как новость: — Знаете, в тридцатые годы строительство электростанции в Порто-Ново возглавлял бежавший из России армянский инженер. А здесь, в Котону, работал врач эмигрант — родом харьковчанин. Тяжелые были времена: от мухи цеце, носительницы возбудителя сонной болезни, негры умирали в Дагомее повально. Из десяти больших, дай бог, выживал один. Теперь смертность значительно снижена...

Объявление по радио о посадке на самолет, отправляющийся в Южную Африку, прервало наш разговор. «Русский» парижанин взглянул на часы, приказал под мышку кожаную сумку с бумагами и, кивнув мне, поспешил к самолету.

Нам пришлось еще добрых два часа терпеливо ждать самолет, курсирующий на линии Котону — Лагос-Дуала.

В Камеруне нас ожидал ночлег, а утром — вылет из Дуала в столицу Габона — Либревиль.

В ГАБОНЕ

Территория республики Габон, пересекающей экватор, составляет 267 тысяч квадратных километров. На ее просторах могли бы свободно разместиться две Дагомеи и Того, но населения в Габоне всего 410 тысяч.

По своим природным ресурсам эта страна одна из наиболее богатых в Африке. В ее недрах по приблизительным подсчетам находится около 20 миллионов тонн урановой руды, есть железо, золото, алмазы. А на поверхности произрастают ценные породы черного, красного и розового дерева. Вот почему колонизаторы так уцепились за Габон. Тридцать акционерных компаний вывозят баснословно дешевый лес, заготавливаемый для них туземцами.

Мало того что колонизаторы грабили Габон, они превратили его в место ссылки и каторги для туземцев. Трудно найти более страшный уголок земли для этой цели. Высокая непереносимая влажность, муха цеце — разносчица смертельной сонной болезни, почти недосягаемые острова на реке Огове навяли колони-

затарам мысль о создании здесь каторги, получившей неофициальное название «Сухая гильотина». Сюда ссылали неугодных им африканских вождей и борцов за национальную независимость. Никому из ссыльных не удавалось выбраться с «Сухой гильотины», где погибали все. Здесь сложил свою голову национальный герой Африки, прославленный полководец Самори Туре, прозванный французами «суданским Бонапартом». Более десяти лет он успешно сражался против войск французских колонизаторов, пока, наконец, в 1898 году им не удалось, предательски заманив его, захватить в плен.

...Самолет плавно, без качки летит на высоте одиннадцати тысяч метров через Нигерию и Камерун к Габону. Рядом со мной, закрыв глаза, сладко дремлет наш кинорежиссер Александр Роу. Мой сосед с другой стороны — англичанин-археолог. С грехом пополам мы изъясняемся друг с другом, одинаково не зная языков: он — русского, я — английского. Подали ужин. Археолог понемногу втягивает меня в «урок» русского языка, показывает вилку, ложку, нож, тарелку и спрашивает, как называются эти предметы. Я охотно отвечаю. Особенно ему почему-то понравилось слово «стакан».

Роу, проснувшись, смеется над нашими упражнениями:

— Высадить бы вас на необитаемый остров, тогда уж обязательно друг у друга обучились языку.

— Пожалуйста, — ответил я, — лишь бы не на «Сухую гильотину», не на острова реки Огове...

Англичанин наострив уши спросил:

— Гильотен, Огове? Что есть?..

Я как мог рассказал о страшных островах афри-

канской каторги, где существовали лагеря для африканцев.

Мой собеседник заявил, что это было давно, в начале «цивилизации» Африки, и что теперь «Сухая гильотина» забыта.

— Может быть, заменена мокрой гильотиной?

— Как понять?—спросил англичанин.

— Вам же известно, что происходит в Конго, Анголе, Алжире, что Африка бурлит, и колонизаторам сухая гильотина кажется уже недостаточной. Вспомните современных мучеников колониализма — Мумие, Лумумбу, Гизенгу.

— О, я есть нейтралитет, — уклонился от дальнейшего разговора англичанин, почувствовав, что беседа принимает нежелательный оборот.

Мы замолчали. Сосед развернул «Фигаро», а я раскрыл справочник «Африка 1956—1961», на тех страницах, где помещены последние сведения о Габоне. Читая, подчеркивал отдельные места:

«...1957 г. в Габоне создано правительство с участием африканцев...»

«Через полтора года Габон стал республикой, но в рамках французского сообщества...»

«В 1959 году в отдельных районах Габона вспыхнули вооруженные восстания...»

«В июле 1960 г. французы вынуждены были предоставить независимость Габону...»

«Существует партия: «Габонский демократический блок», который не протестует против засилья иностранных компаний, не требует вывода французских войск и ликвидации иностранных баз...»

В справочнике говорится:

«За экспортные культуры крестьяне (габонцы) получают с колонизаторов не свыше 15 процентов действительной стоимости...»

«Ежемесячный доход крестьян в Габоне составляет всего три новых французских франка...» (на эти деньги можно купить трусики).

Де-юре — республика. Де-факто — грабеж продолжается.

Самолет идет на посадку. Под нами столица Нигерии — Лагос. Вечерние сумерки не позволяют составить впечатление даже о внешнем облике Лагоса. Обилие электрического света дает основание думать, что город крупный. В прошлом он был опорным пунктом английских колонизаторов и их базой для проникновения в глубь Африки. Ныне Лагос — центр многонациональной федерации Нигерии, которая входит в состав «Британского содружества наций».

Мой сосед, археолог, накинув на руку плащ, раскланялся и вышел. У него свои дела в этой стране, нуждающейся в технических кадрах. Нам же, транзитным пассажирам, было объявлено, что посадка совер-

шена всего на двадцать минут и выходить из самолета не разрешается.

Жаль, что в Лагосе мы не могли остановиться, хотя бы на один день. Здесь находится Музей истории, этнографии и искусства Африки, и было бы весьма интересно познакомиться с бронзовыми изваяниями Бенинского царства и многими другими экспонатами, подтверждающими высокий уровень древней культуры африканцев...

Снова в воздухе. Летим в Дуала — аэропорт Камеруна.

Черная африканская ночь. Кое-кто, откинувшись на сиденьях, всхрапывает. Чуть слышно с посвистом гудят моторы.

Освободившиеся места заняли французские солдаты. Они возвращаются из отпуска через Лагос в Либревиль. Стало быть, в Габоне французские и другие акционеры и сейчас не обходятся без военной охраны.

В Дуала заночевали. Аэропорт охраняется автоматчиками.

Рано утром вылетели в Габон и через несколько часов прибыли в столицу этой страны Либревиль.

Либревиль раскинулся на побережье Гвинейского залива. Бесконечной линией тянутся в порту причалы для морских судов, склады факторий, пропахшие рыбой и фруктами. Сразу же за окраинами города начинаются тропические джунгли. Еще с самолета мы видели бесконечные густые, зеленые леса — основное богатство страны, привлекающее захватчиков-акционеров.

Нас поместили в гостиницу, принадлежащую фран-

цузской авиационной компании. Живут в ней французские и американские коммерсанты, специалисты — техники, экономисты, надсмотрщики, работающие в акционерных компаниях, вывозящих из Габона ценную древесину.

Вечерами господа колонизаторы и их поверенные съезжаются на автомашинах в гостиницу. В салонах они неторопливо пьют виски и бургундское, наслажда-

Дом французских колонизаторов в Либревиле

ются итальянской музыкальной передачей, слушают последние новости из Парижа о том, что происходит в Алжире, Анголе и Конго. Утром еще до восхода солнца все разъезжаются к местам сплава, разработок и погрузки леса.

Иногда программа вечерних развлечений меняется: вместо музыки приходится слушать оглушительный треск грома, наблюдать частые яркие вспышки молнии и пылающие над Атлантикой огненные зарницы. Кажется, что и океан, и всё пространство над ним охвачено пламенем и наступает мировая катастрофа. Грозовые разряды страшной силы проходят над городом в джунгли, и долго еще слышатся отдаленные глухие раскаты грома. Наконец наступает тишина, и всё покрывает черная, беспросветная африканская ночь, затем слышится нарастающий шум приближающегося ливня.

Ливень этот совсем не похож на дожди, к которым мы привыкли у себя на родине. Он обрушивается со всей мощью, будто всемогущий водолей захватил в океане огромную массу воды и разом выплеснул на землю, чтобы освежить ее и захлестнуть всякую нечисть — москитов и зловредных мух цеце.

Утром и днем — ни облачка. Солнце нещадно накаляет землю, и тогда усиливается непереносимая экваториальная влажность. Тело не просыхает от пота. Рубаха прилипает, хоть раздевайся и выжимай. Кстати, габонцы в Либревиле и окрестностях предпочитают ходить одетыми, но не ради щегольства и моды, а потому, что это некоторым образом гарантирует от укусов вреднейших насекомых.

К устью реки Габон мы ехали по ухабистому

шоссе. Деревни на пути встречаются редко, чаще попадаются одинокие лачуги, построенные как попало из подручных материалов. Не видели мы и скота, разведение которого невозможно из-за мухи цеце. Кое-где разводят птицу на крупных фермах частных владельцев.

Леса Габона совершенно непроходимы, как и вообще все леса Экваториальной Африки. По утверждениям специалистов, они не уступают по густоте и разнообразию бразильским джунглям, где на один гектар приходится тысяча крупных, восемьдесят тысяч мелких деревьев и три тысячи лиан. Ботаники считают, что в джунглях Экваториальной Африки насчитывается около трех тысяч видов различных деревьев.

Габонцам-лесорубам, работающим на акционерные компании колонизаторов, приходится вести выборочную рубку древесины в таких чащобах, а это связано с огромной затратой человеческих сил на заготовке и вывозке леса к слиянным рекам. К тому же надо принять во внимание жаркий, влажный тропический климат.

Дельта реки Габон обширна. Тропические леса нависают над обрывистыми берегами. На взморье виднеются танкеры, пришедшие за габонским лесом. На правом берегу сквозь густые заросли видны ярко окрашенные железные крыши построек акционерной компании: складов, контор и жилищ для техников и надсмотрщиков.

В общении с нами здешние французы холодноваты, неразговорчивы; смотрят искоса и между собой высказывают удивление: «Русские туристы на экваторе, на лесоразработках в Габоне!..»

На легком катере мы объехали весь участок сплава. Нельзя было не залюбоваться тем, как ловко орудают длинными баграми туземцы, сортируя к сплотке короткие кряжи, достигающие в диаметре полутора метров. Сплотка проводится бережно и аккуратно: в каждый черный кряж забивается или завинчивается железное кольцо, в кольца продеваются цепи, иногда — цинковые тросы. При таком креплении плоты уцелеют, даже если на взморье их захватят бури.

Узнав, что приехали советские туристы, рабочие-сплавщики старались всячески выказать нам свою доброжелательность и уважение. Присутствие прислужников колонизаторов лишало возможности поговорить, что называется, по душам. Габонцы произвели на нас хорошее впечатление. Это приветливые, доверчивые и добродушные люди. Они знали о существовании Советского Союза, страны, которая поддерживает справедливую борьбу народов Африки за национальную независимость, за их равноправное участие в международной жизни.

Нелегко труд здесь лесорубов и сплавщиков. В джунглях можно нарваться на леопарда, а в дельте реки водятся прожорливые акулы. Стоит сплавщику сделать неосторожное движение, и, сорвавшись с плота, он может оказаться в пасти акулы.

Больше ста лет хозяйничает Франция в Габоне. Захватчики наживали огромные капиталы на экспорте слоновой кости, черного дерева и чернокожих невольников. Ныне слоновая кость стала редкостью, но черное дерево выкачивается в огромном количестве.

К бесценным сокровищам, скрытым в недрах Габона, тянутся жадные лапы бельгийских, английских,

западногерманских и итальянских монополистов. Разработка железной, марганцевой, урановой руд, а также месторождений золота и алмазов сулит им баснословные прибыли. Формальная независимость страны и республиканский образ правления не препятствуют

Техник сплава на реке Габон

удовлетворению appetитов колонизаторов. Так, смешанная франко-англо-американская компания сумела уже в 1960 году выкачать 860 тысяч тонн габонской нефти.

В трудных условиях, в сложной политической об-

Сплав леса в устье реки Габон

становке приходится габонской республике делать первые шаги по пути к самостоятельности. Несмотря на природные богатства, страна крайне бедна, развитой промышленности и своих технических кадров нет.

Но в республике вырос свой рабочий класс, составляющий 40 тысяч человек, или 10 процентов населения. Рабочие заняты в отраслях лесной, рудной и добывающей промышленности. Подлинную свободу и экономическую независимость габонцы могут получить лишь в тесном союзе, в единстве с остальными народами Африки.

Колонизаторы отлично понимают, что сила африканцев — в их единстве; их слабость — в разобщенности, в межплеменной вражде между отдельными народностями. Учитывая это, бывшие хозяева всячески мешают объединению африканцев. Они — за расчленение континента на мелкие государства, входящие в европейские «сообщества», а по сути дела остающиеся в экономической зависимости от прежних владельцев.

В большом ходу между колонизаторами термин «балканизация» Африки, то есть раздробление ее, сохранение в неприкосновенности границ империалистического колониального раздела, проведенного в разное время исключительно в грабительских целях, без малейшего учета этнических, национальных особенностей.

Там, где пропаганда розни и вражды не встречает сочувствия, где прочно единство африканцев, колонизаторы ищут способы использовать это единство в своих целях, в рамках так называемого совместного сотрудничества. Но что может быть общего между

ограбленным туземцем и ненасытным в грабеже колонизатором?

В устье реки Габон, откуда силами туземцев акционеры вывозят в огромном количестве лес, они имеют свое лесное предприятие «кооперативом», в котором туземцам предоставлено право работать, а владельцам наживать огромные барыши.

ЗА ЭКВАТОРОМ У ДОКТОРА ШВЕЙЦЕРА

...Когда из Дагомеи мы летели в Габон, у наших товарищей журналистов появилась мысль о возможности встречи с доктором Альбертом Швейцером, всемирно известным человеком. Но как попасть в его знаменитый госпиталь в селении Ламбарене, находящемся на берегу Огове, за экватором?

Полет туда труден и даже в какой-то степени рискован. Препятствовали грозные разряды, к тому же из-за низкой облачности посадка в Ламбарене могла оказаться невозможной. Однако, несмотря на всё это, мы наняли небольшой восьмиместный самолет и решили лететь, предварительно запросив по радио Швейцера, может ли он сегодня (22 декабря 1961 года) принять нас, советских туристов? Ответ был скорый и положительный: «Добро пожаловать, рад буду видеть советских гостей. Прощу. Альберт Швейцер».

В советской печати о Швейцере писалось мало. Но кое-что нам удалось узнать. Родился он в 1875 году в Эльзасе в семье священника. Получил образование в

Страсбургском, Парижском и Берлинском университетах, стал доктором медицины, философии и права. Его перу принадлежат труды по эстетике, философии и т. п. После изучения тропической медицины в Парижском университете он полвека назад основал больницу в джунглях Африки и посвятил свою жизнь спасению негров от тяжких смертельных заболеваний, распространению которых способствовал влажный тропический климат и тяжелые условия существования.

Почетный доктор европейских университетов, лауреат Нобелевской премии, Альберт Швейцер является неутомимым и бесстрашным борцом за дело мира. Он горячо поддержал советские предложения о прекращении ядерных испытаний и о всеобщем разоружении... Наши симпатии оказались на стороне Швейцера.

280-километровый полет от Либревилля до порта Жантиль в устье Огове, где находится Ламбарене, проходил над великолепными тропическими лесами и извилистыми лентами рек. Среди этого зеленого массива изредка проглядывали серенькие хижины габонцев.

Там, в этой дикой глуши, протекала своя, незнакомая нам, своеобразная жизнь людей, лишенных по милости колонизаторов элементарных благ культуры, знаний, которыми пользуется большинство человечества. Я задумался о том, что видел здесь. На память пришли строки из книги Грэма Грина «Путешествие без карты», в которых он сжато и метко характеризовал вековечное прозябание лишенных культуры и грамотности африканцев, живущих в условиях тропического климата. «Любовь была здесь рукой, обвинившей вокруг шеи, судорожным объятием в дыму хижины; богат-

ство — кучкой кокосовых орехов; старость — язвами и проказой; религия — несколькими камнями в центре селения, под которыми покоится прах умерших вождей, человеком в маске и соломенной юбке, плясавшим вокруг погребального костра...

К перечисленному Гриню, пожалуй, следовало бы добавить многоженство, если позволяют средства, изощренная с надрезами татуировка, дешевые побрякушки, привезенные из Европы, танцы бедер и живота под музыку, которую может исполнить всякий, ударяя палкой по пустой жестянке...

Не раз во время путешествия по Африке приходилось нам бывать в селениях и видеть всё это. Хотелось верить, что уже недолго африканским братьям жить в отсталости, терпеть невзгоды и лишения, что скоро вся Африка сбросит с себя политический и экономический гнет колониализма.

Занятый своими мыслями, я не заметил, в каком месте мы пересекли линию экватора. Случись это в океане, по морской традиции была бы совершена церемония с возданием должных почестей морскому богу Нептуну. В воздушном океане такой традиции еще не сложилось. Летчик не затруднил себя даже фразой: «Месье, мы перевалили за экватор». Хотя, собственно, перелет этой линии не занял и одной минуты. Наше внимание в это время было отвлечено возгласом одного из товарищей:

— Братцы! Смотрите — слопы на водопой вышли!..

Мы летели на небольшой высоте, поэтому отчетливо могли видеть эту необычную для нас картину.

Горы, густо заросшие джунглями, сменились глубокими впадинами, пересеченными извилистыми реками.

Вот в зелени леса показались крыши невысоких зданий. Летчик обернулся к нам и крикнул:

— Ламбарене! Ламбарене... Швейцер!

Пролетев над больничным городком, мы приземлились за широкой рекой Огове на узкой площадке, способной принимать самолеты с малым разбегом.

На правом берегу тихой, глубоководной Огове расположены лесные фабрики колонизаторов, католическая и протестантская церкви, одноэтажные жилые дома, похожие на склады. Все эти постройки скрыты густыми зарослями тропического леса, нависшего над угрюмой мутной рекой. Непосредственно к госпиталю нас доставил катер. Во время пути мы замечали высовывающиеся из воды головы и спины каких-то неизвестных нам существ. Ни моторист габонец, ни летчик француз не могли объяснить нам — рыбы это или животные. Видимо, они не опасны, если по реке беззаботно сплывают узкие, выдолбленные из черного дерева лодочки.

Катер подошел к каменной стенке причала. Среди пришедших встречать мы сразу заметили сухощавого с густыми седыми усами старика, в легком белом костюме из сурового полотна. Это и был знаменитый Швейцер, жизнерадостный и приветливый.

— Здравствуйте, русские друзья. Впервые вижу русских в Ламбарене. Прошу ко мне в гости, — сказал он по-немецки, сняв с головы пробковый шлем и кланяясь.

Двое наших туристов накануне почти целую ночь готовили напыщенную речь, и сейчас один из них пы-

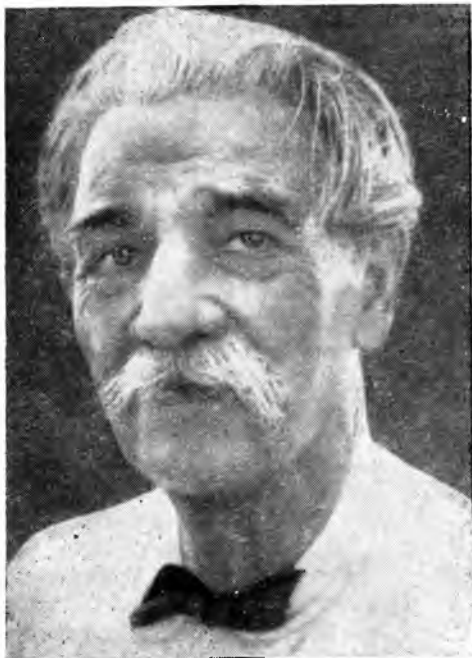
гался ее произнести, но Швейцер, добродушно улыбаясь, отмахнулся:

— Избавьте меня от речей. Я люблю, чтоб вокруг меня было всё просто, в обращении тем более. Я здесь хозяин, слушайте меня и не возражайте против моих предложений...

Распорядившись с приготовлением для гостей обед, он повел нас в больничный городок. При входе мы увидели большую толпу полуголых африканцев. Среди них были и больные, и здоровые, которые сопровождали своих заболевших родственников.

Им приходилось неделями идти по джунглям и пробираться на утлых челноках по рекам.

В день нашего прибытия в госпитале насчитывалось около пятисот пациентов, страдающих от разных болезней. Родственники больных, расположившись недалеко от госпиталя в джунглях огромным табором, терпеливо ждут выздоровления своих близких, питаюсь

Доктор Альберт Швейцер

плодами тропических деревьев и рыбой, которой много водится в реке.

На небольшой возвышенности недалеко от входа в узкие улочки больничного городка Швейцер остановился и, показывая на прибрежные окрестности, сказал:

— Здесь я начал работать с 1913 года... И с тех пор я покидаю эти места только для редких поездок в Европу. Прежде мой госпиталь находился за проливом в дельте. Там поселились миссионеры, и мне пришлось перебраться сюда, где мы сейчас находимся. Госпиталь не получает помощи от какого-либо государства. Он существует на средства богатых благотворителей. Имена филантропов и суммы их пожертвований высечены на гранитных столбах. Это наша бухгалтерия. Лечение африканцев, разумеется, бесплатное, с голого взять нечего...

Внимательно слушая Альберта Швейцера, неторопливо, по-старчески шедшего впереди нас, я с восхищением думал о подвиге этого благородного гуманиста, посвятившего всю свою жизнь спасению африканцев от смертельных заболеваний, вызываемых в тропиках мухой цеце. Доктор увлеченно рассказывал нам о принципах своей системы лечения:

— Как видите, у меня нет специальных зданий и палат для больных. Лечение проводится в таких же условиях, в каких туземцы живут в своих лачугах, им не надо привыкать к необычной обстановке. Всё здесь соответствует требованиям их житейского общежития. У меня осуществляется такое правило: больным и здоровым африканцам — полная свобода действий, сохраняется простота их нравов и быта, всё дозволяется.

кроме, конечно, поступков, приносящих зло человеку, а также запрещается торговля. Чем торговать и зачем, когда дары здешней природы дают человеку бесплатное питание...

На минуту Швейцер задержался возле дощатой хижины на бревенчатых столбах, из которой выглянула большая человекообразная обезьяна. Увидев посетителей, она выскочила из своего жилища и, гремя цепью, приковыляла к нам.

Обезьяна оказалась инвалидом. Правая рука у нее была оторвана по самое плечо. Встав во весь рост, она почему-то обняла одного из журналистов и крепко прижала левой рукой к своей мохнатой груди. Журналист храбрился, но, видимо, не испытывал большого удовольствия от столь внезапного и небезопасного объятия.

Швейцер прикрикнул на обезьяну, она послушно забралась по столбу обратно в свою лачугу.

— Глупая, — пояснил он, — попала по ошибке в капкан, поставленный на леопарда, и вот стала инвалидом. Пришлось ампутировать и вылечить. Пусть живет. У нас тут и леопарды водятся в окрестностях. Нередко эти опасные «соседи» подходят близко к госпиталю, но мы всегда узнаем о приближении их заблаговременно.

— Как же они дают о себе знать? Рычат? — спросили мы доктора.

— Нет. Замечаем по тревожному состоянию коз и антилоп. Животные начинают бесноваться, искать себе убежище, прятаться где попало. А это значит — леопард близко.

Подошла бледная женщина — врач со следами ут

мления на лице. Она что-то сказала доктору. Швейцер извинился, пообещал через некоторое время встретиться снова и поручил своей помощнице провести нас по госпиталю.

Бесконечные ряды хижин-палат, поставленных вплотную одна к другой... Построены они самыми разнообразными способами и из всевозможных материалов — из досок, фанеры, из жестяных листов, просто из древесных прутьев, из земли, смешанной с камышом. В зданиях европейского типа расположены столовая, служебные помещения, операционные, квартиры персонала госпиталя и кабинет самого Швейцера.

Мы видели здесь людей, страдающих от самых различных заболеваний — тропической дизентерии, желтой лихорадки, пораженных мухой цеце, душевнобольных, запертых в особых клетках, женщин, пришедших рожать под наблюдением медицинских сестер. Видно, не очень они надеялись на силу амулетов и металлических крестиков, висящих у них на шее. Только прокаженные изолированы от остальных.

Все пациенты разделяются не по роду заболеваний, а по племенным признакам. В госпитале оказались больные из пятидесяти племен, говорящих на разных диалектах, были даже пигмеи, языка которых никто не понимал.

Доступ к незаразным больным свободен для их родственников. Они часто их навещают, приносят фрукты и рыбу, испеченную на кострах.

Среди врачей, проходящих практику в тропическом госпитале, — медики, прибывшие из Англии, Франции, Германии. Для всех них существует нерушимое правило: кроме родного языка, каждый обязан знать один

европейский и три африканских. И только один врач по фамилии Биссаугави африканец. Он более тридцати лет работает у Швейцера.

Появление советских людей в этом отдаленном углу Габона, где туристы бывают крайне редко, явно удивило персонал госпиталя. Только крупные буржуа из Европы и Америки изредка приезжают сюда поохотиться на слонов и леопардов ради острых ощущений. Правда, опасности подвергаются только ловкие и храбрые туземцы, привлекаемые для охоты.

Мы осмотрели и рабочий кабинет Швейцера. Это — светлая комната с большими окнами, занавешенными кисеей от проникновения опасных насекомых. Письменный стол завален корреспонденцией, журналами, бандеролями, поступающими со всех концов света.

Деятельность Швейцера поразительно многообразна, а круг интересов необычайно широк. Помимо занятий медициной, он пишет мемуары, философские сочинения и музыкальные композиции. Огромные знания уживаются у него каким-то образом с религиозными представлениями, не враждуя между собой. Рядом с портретом Дарвина в его кабинете висит распятие. Конечно, он понимает, что гости атеисты, но это не мешает ему быть приветливым, любезным и гостеприимным хозяином.

— Друзья, прошу вас к обеду, — пригласил нас доктор.

Покинув кабинет, мы идем по обширному двору, где в тени вечнозеленых деревьев разгуливают крупные птицы, а за проволочной сеткой пасутся антилопы. Во дворе много собак, к некоторым из них короткими

цепями привязаны мартышки. Забавно было наблюдать, как, догнав своих поводырей, мартышки ловко вскакивали на спины собак и верхом разъезжали по саду и узким улочкам больничного городка.

Селение Ламбарене, где расположен госпиталь Швейцера

Показывая на лихо скачущих «всадников», Швейцер шутливо, но не без серьезной иронии заметил:

— Это моя любимая кавалерия. Я желал бы, чтобы везде, в войсках, другой кавалерии, более «воинственной», не было. Надо высоко ценить жизнь людей...

Подходя к столовой, мы обратили внимание на большую обезьянку, которая, соблюдая строгий порядок, снимала шляпы и пробковые шлемы с тех, кто хотел пройти в столовую в головном уборе. Она напяливала их на свою голову, отбегала в угол сада и там складывала в кучу.

Мартышки-наездницы, обезьяны в роли «вахтеров» и «швейцаров» — всё это было необычно и потешно.

За столом в ожидании Швейцера сидели все тридцать медиков-европейцев. По заведенному порядку никто не прикасался к пище до тех пор, пока доктор не займет своего места и не прочтет «отче наш». Быстро и бесшумно негры подавали кушанья. Но виноградного вина, вопреки французским обычаям, не было. У женщин на плечах во время обеда сидели многоцветные попугаи, а под столом расположились собаки.

После обеда, когда медики разошлись по своим делам, Швейцер остался побеседовать с нами. На вопросы он отвечал не торопясь, взвешивая и осторожно. Швейцер говорил, что он не проявляет большого интереса к проблемам развития стран Африки, что он в Ламбарене «сидит, как мышь в норе», и дальше Габона ничего не видит (?). Может быть, и не совсем тактично вовлекать доктора в беседу на политические темы, но один из наших журналистов повторил вопрос о проблемах развития молодых африканских республик, сказав, что к голосу Швейцера прислуши-

ваются во всем мире. Добродушно улыбаясь, доктор шутливо ответил:

— Поэтому я и опасаясь наговорить лишнего...

Против производства и применения атомного оружия Швейцер выступал страстно и убежденно:

— Надо, чтобы все люди поняли необходимость полного уничтожения этого зла, которое может привести человечество к гибели. Разум и совесть народов должны победить в борьбе с ним. Одних дипломатических мер недостаточно. И едва ли дипломаты смогут решить вопрос о всеобщем разоружении, для этого им не хватает взаимного доверия. Главное оружие — совесть и нравственность народа. Об этом следует говорить повсюду. Пусть всё человечество знает, что атомное оружие несовместимо с нравственностью, что оно может быть истреблено только общими, всенародными усилиями...¹

После беседы Швейцер водил нас по амбулаториям госпиталя. Мы не решались фотографировать и стеснялись просить разрешения. Заметив это, он сказал:

— Пожалуйста, фотографируйте всё, что вам заблагорассудится. — После этого наши фотоаппараты защелкали на каждом шагу, всё нам казалось интересным.

В послеобеденный час жизнь в госпитале и в окрестном таборе замерла. Настало время всеобщего отдыха. Не только люди, но и животные притихли.

---

¹ Подробно свою точку зрения по вопросам всеобщего разоружения А. Швейцер изложил в статье «Доверие и взаимопонимание», опубликованной в «Литературной газете» 26 июня 1962 года.

Швейцер провел нас в обширный плодовый сад. Долгие годы создавал он его, оставляя нужные деревья, вырубая ненужные и пересаживая на их место плодовые.

Частичку плодов разворовывают ребятишки, говорил Швейцер, но тут же заметил, оправдывая малолетних ворюшек:

— Им ведь неинтересно пользоваться тем, что дают. И вы были детьми и знаете, что украденный плод, даже незрелый, кажется вкуснее, потому что добыт самостоятельно, вопреки запрету взрослых. Хотя, должен оговориться, дети негров берут не больше того, что требуется для «пробы».

Показывая незнакомые деревья, Швейцер пояснял:

— Это калебас, сейба с корнями на поверхности, манго, пальмы различных видов, банановые деревья... А вот знаменитая колючая фагора, она умеет постоять за себя. Никто даже из самых вороватых ребятишек не осмелится прикоснуться к ней. Не советую и вам. Очень больно колется...

Свои объяснения Швейцер сопровождает добродушными шутками. Вот и сейчас он говорит, улыбаясь:

— Дорогие друзья мои, приехав в Россию, не говорите там, что Швейцер идеалист. Вы видите, я люблю и признаю деревья не за красоту, а главным образом за их плоды, за пользу, которую они приносят человеку, значит, если судить по-вашему, я материалист...

Нам приходилось поражаться тому, как местное население при его отсталости отлично разбирается во всех породах и свойствах деревьев, несмотря на огромное разнообразие тропической растительности. Африканцы знают, какую пользу можно извлечь из

листьев, корней, плодов и семян. Им ведомо, какое дерево пригодно для постройки хижины, лодок, для изготовления предметов домашнего употребления. Им известны и лечебные свойства растений. Эти познания выработались у них в результате многовекового опыта. Человек здесь неразделим с природой. От нее он получает всё в натуральном виде — пищу, жилье, напиток, лекарство, яд, противоядие, волокно растений для ручного ткацкого производства.

Мы имели возможность убедиться, что методы народной медицины, основанные на глубоком практическом познании целебных свойств тропических растений, не чужды постоянному внимательному наблюдению доктора Швейцера, заслуженно пользующегося почетом, уважением и любовью признательных африканцев.

Завершение осмотра сада совпало с окончанием часа отдыха в госпитале. Об этом возвестил сигнал, который производила женщина-медик, ударяя деревянной колотушкой по металлическим предметам различной величины, подвешенным на ветвях большого дерева. На эти звуки, напоминающие перезвон колоколов католического костела, со всего городка и окрестного табора сбежалось около 15 собак, которые стали подвывать под звон отбоя до тех пор, пока звон не прекратился, после чего они разбежались, виляя хвостами.

Послышался говор и шум, стук тесаков по дереву, треск сучьев, заиграло пламя костров, повеяло запахом свежей и печеной рыбы. Снова ожил госпиталь.

Провожая нас к причалу, Швейцер посетовал на то, что ему уже не придется осуществить дальнейшие планы по благоустройству госпиталя. Как-никак,

Гнёзда колибри на масличной пальме

87 лет — возраст, когда человек подводит итоги своей деятельности.

Мы поблагодарили доктора за гостеприимство, пожелали ему доброго здоровья и оставили разные сувениры. Среди подарков были медальоны с изображением Ленина, Пушкина и памятника Петру Первому. Подарки понравились. Разглядев конную статую Петра, Швейцер похвалил монумент работы Фальконе, известный ему по фотографиям.

Сотрудники принесли большой мешок бананов.

— Это вам в путь-дорогу, дорогие друзья, — сказал Швейцер.

Катер доставил нас к стоянке самолета, и через час мы вылетели обратно в Либревиль.

Летчик сделал прощальный круг над Ламбарене и покачал крыльями. Мы были настолько взволнованы, что забыли на летной площадке подарок Швейцера — мешок с фруктами. Боюсь, как бы не обиделся доктор на нашу непростительную забывчивость...

Путешествие в Экваториальную Африку было завершено. Приятно сознавать, что именно мы явились первыми представителями Советской страны в молодых республиках Черного континента, только что получивших независимость.

На этом можно было бы и закончить путевые записки, если бы не «любезность» парижской префектуры, которая заслуживает того, чтобы о ней рассказать.

Видимо, французскому правительству не по душе пришлась наша поездка в полунезависимые республики Экваториальной Африки, совсем недавно бывшие колониями Франции. Скрепя сердце французским властям пришлось примириться с фактом этой поездки, но

отказать себе в удовольствии хоть немного испортить настроение советским туристам они не могли.

На пребывание в Париже, через который мы возвращались на родину, согласно выданным нам визам, оставалось еще двое суток. Столица Франции — большой и красивый город, в нем есть что посмотреть, и мы обратились с просьбой к властям о продлении срока визы еще на сутки.

Рано утром нас «пригласили» в префектуру, отобрали паспорта и что-то сверяли и проверяли, бегая с нашими документами из кабинета в кабинет. Все эти процедуры тянулись утомительно долго.

Снующие в полицейских залах «жучки» искоса поглядывали на нас, изучая, какое впечатление производит подобное «гостеприимство». Но совесть наша была чиста, поведение в поездке безупречно, мы строго придерживались рамок дозволенного для туристов. Поэтому оснований для волнений у нас не было и мы спокойно, терпеливо ожидали разрешения нудных формальностей.

Проходил час за часом. Закончился рабочий день служащих, которые торопливо разошлись. Закрылись и ворота префектуры. А мы всё сидели в ожидании положительного ответа.

Так был потерян драгоценный день, в течение которого ничего не удалось увидеть, кроме нагловатых полицейских чиновников префектуры. Было от чего испортиться нашему настроению. Только поздно вечером нам возвратили наши паспорта, заявив:

— Министерство не может продлить срок пребывания в Париже. Завтра с первым же самолетом вам падлежит вылететь в Москву.

Так благодаря «любезности» парижской полиции вместо дополнительных суток пребывания в столице Франции у нас было отнято почти двое суток, положенных по ранее выданной визе. Верно сказал писатель Грэм Грин, что в странах капиталистического Запада последнее слово всегда остается за полицией.

Мысленно ругаясь, мы выходили в сопровождении полицейского через черный ход мрачного здания префектуры, так надоевшего нам.

Утром с аэропорта Орли мы вылетели в Москву. В самолете в предвидении скорой встречи с Родиной скоро был забыт неприятный инцидент и вернулось хорошее настроение. В гостях не всегда и не везде хорошо. Дома всегда лучше.

А пока просматриваем номера «Правды», «Известий», прочитываем информации о яркой, многообразной жизни великой Советской страны. В газетах немало сообщений и из стран Африки. Черный континент бурлит и бушует, и недалеко то время, когда ныне еще угнетенные и зависимые народы Африки объединятся в едином стремлении добиться полной политической и экономической независимости всего континента.

Так будет!

О Г Л А В Л Е Н И Е

Через Париж в А́фрику	5
В Верхней Вольте	37
Есть такая страна — Дагомея	58
В Габоне : : :	80
За экватором у доктора Швейцера	93

Константин Иванович Коницев
„Там, где рвут оковы рабства“

Редактор К. Л. Иллюминарский

Художник Ж. В. Ефимовский

Фото автора

Художник-редактор О. И. Маслаков

Технический редактор Л. Г. Левоневская

Корректор И. Е. Блиндер

Сдано в набор 11/IX 1962 г. Подписано к печати 12/XI 1962 г.
Формат бумаги 70×108^{1/2}_{зд.} Физ. печ. л. 3,5 Усл. печ. л. 4,8
Уч.-изд. л. 4,22 Тираж 5000 экз. М-31700 Заказ № 1407

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография имени Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 13 коп.

13 ноп.

13

ЛЕНИЗДАТ